

Ольга ТЕПЛИНСКАЯ

Гадание на кофейной гуще

Ольга Теплинская

Гаданье на кофейной гуще

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68682691

SelfPub; 2022

Аннотация

Что может быть лучше любимого дела? Когда с радостью идешь на работу, а дома скучаешь по своим краскам и кисточкам. Ну, может, еще славный островок в виде шапки Мономаха в теплом Эгейском море, о котором мечтает Лера Озерова. Улететь в отпуск, остаться одной и не думать ни о чем. Ну, разве она многого хочет? Но хозяйину антикварного салона Павлу первому срочно понадобилась копия с семейной реликвии, которую хранит как зеницу ока престарелая родственница. Лере бы отказаться от этой работы, да еще лучшая подруга Тамарка – экстрасенс (ну, почти экстрасенс) предупреждает не ввязываться в темные дела. Но так хочется поработать с шедевром. Проследить переливы красок, причудливость теней. Вот только кто автор этого пасторального пейзажа? И почему за ним началась настоящая охота? И как одинокой девушке противостоять темным силам

Ольга Теплинская

Гаданье на кофейной гуще

Лера любила сюда возвращаться. Только здесь море было таким прозрачным и пронзительно-бирюзовым, как медный купорос на уроках химии. И цвет моря не менялся, даже когда ветер начинал трепать и ерошить волны. Наверное, он делал это от зависти – ведь морем все восхищались, восторжались его изумительным цветом, прозрачностью, а ветер никто не хвалил. Разве что парочка серфингистов, безуспешно пытавшихся поймать волну в тихом Эгейском море.

Отель стоял в стороне от белых шумных городов, расположившихся на побережье, и других отелей рядом не было.

«Полная оторванность от цивилизации» – прокомментировал это место Павел – Лерин знакомый, приехавший сюда за ней.

Лера никак не могла для себя решить: как она относится к Павлу? Но заволновалась, когда он сказал, что хочет посмотреть на это место, которым Лера так восхищалась.

Ну, и как это надо было расценивать? Какой нормальный мужчина добровольно решит поехать в другую страну лишь для того, чтобы взглянуть на понравившейся отель знакомой женщины.

Может, их отношения все-таки перерастут в романтические?

Но Павел, проведя три дня в отеле, исчез в неизвестном направлении, как капризная барышня. И Лера все думала: она ли его обидела или он ее?

Полдня она даже переживала. Но потом, подумав, решила, что капризный мужчина ей не нужен. Мужчина, по мнению Леры, должен быть надежным, умным, обязательно с чувством юмора. А еще он должен понимать тонкую женскую душу. Точнее, Лерину душу.

Но Лера знала, что искать никого в этой жизни не будет. А еще ей всегда было хорошо и уютно в своем одиночестве и мужчина, которого она могла бы впустить в свою жизнь, должен был эту ее жизнь только улучшить. То есть с ним ей бы стало еще лучше, интереснее и уютней. Вот, как то так. А это уже была проблема.

Правда, лучшая подруга Томка с ней в этом вопросе была категорически не согласна. Она с первого курса института была в поисках своей второй половины.

«Под лежащий камень вода не течет» – был ее жизненный принцип.

– Как ты замуж выйдешь, если даже не пытаешься приложить минимального усилия? – сделав огромные глаза, вопрошала Тамарка.

– Да не хочу я прикладывать усилий! Если судьбе угодно определить меня замуж, то она найдет меня даже за печкой, – выдавала Лера свой извечный аргумент, чем всегда злила подругу.

– Глупости, какие! Ну и пристроит тебя судьба к какому-нибудь ботанику. Будешь дома сидеть и книжки с ним вслух читать или математикой заниматься.

– Нет, математикой я не могу, у меня с ней отношения не складываются с детства. А книжки? Почему нет? Это одно из моих любимых занятий. Так что я согласна на ботаника.

– Ну, вот и поверти головой. Ты можешь сама выбор делать, а не ждать милостей от природы.

– Ага, а можно пойти в ботанический сад и поставить капкан на какого –нибудь ботаника, – переводила Лера в шутку их начинавшийся спор.

Сама Томка вышла замуж удачно, как им тогда казалось. Она выхаживала и пасла своего Ромку, как опытный охотник. Высмотрела парня из строительной организации, решив, что строители в наше время хорошо зарабатывают, и ее такой вариант устроит, проследила за ним, как опытный сыщик. В буквальном смысле ходила за своей жертвой несколько дней по пятам. Выяснила: где живет, с кем, где обедает, где проводит время после работы? Собрав досье, и полностью утвердившись, что это именно то, что нужно, Томка приступила к решительным действиям – пошла в атаку.

Она стала попадаться ему на глаза, словно случайно сталкиваясь с ним на улице, в метро, в кафе, куда несчастный ходил обедать. При этом подруга каждый раз прикидывалась невинной овечкой и смущенно улыбалась, скромно опуская свои огромные глаза.

Глаза у Томки были неземной красоты: большие, слегка раскосые, да к тому же такого пронзительно-зеленого цвета, что многие сомневались – не линзы ли? А еще густые пшеничного цвета волосы, которые Томка заплетала в изящную косу. И ходить бы с такой красотой девице Тамаре по подиуму, да рост не позволял. Не вышла ростом Томка. Была она крепкая, упругая, коренастая. Но, зная свои недостатки, носила высоченные каблуки, прибавляя себе сантиметров по пятнадцать роста, даже зимой.

От своей внешности Лера, как и большинство женщин, тоже была не в восторге, считая ее далеко не модельной: слишком длинный нос, лягушачий большой рот, непонятного цвета глаза – то ли серые, то ли выцветшего неба. И главная проблема – непослушные жесткие вьющиеся волосы – подарок от папы. Сколько Лера ни пыталась привести их в порядок – после того, как она отрезала свою косу – ей это не удавалось. Волосы становились дыбом, торчали в разные стороны, вились мелким бесом. И лишь короткая стрижка немного примиряла Леру со своей внешностью. Стрижка делала девушку похожей на француженку, так ей казалось.

Лера плыла к своему острову. «Остров надежды» – так она его называла. Крошечный островок находился в километре от пляжа отеля. И, вроде, не так уж и далеко, но кроме Леры туда мало кто заплывал. Отдыхающие старались не пересекать желтый канат, отделяющий зону купания от зоны, где море было привольно. А Лера неспешно плыла туда, где

чувствовала себя абсолютно свободной. Было что-то притягательное в этом островке. Он был похож на шапку Мономаха, конусом выходя из воды. У кромки моря с одной стороны белела тонкая полоска песка, нанесенного ветром, словно специально для таких любителей дальних заплывов и одиночества.

Лера вышла на берег и с блаженством растянулась на этом мини пляже, успокаивая дыхание. Отель скрылся за островом, и перед девушкой открылась великолепная панорама бескрайнего моря с разбросанными островками. Край земли. Какая же красота вокруг. Если рай существует, то он должен быть похож на этот дивный уголок Греции. Бирюзовое море в обрамлении синих гор и над всем этим ослепительное голубое небо.

Ах, как же Лера любила все это – и море, и небо, и горы! Она закрыла глаза, чувствуя, как солнце согревает ее прохладную кожу, погружая в тихую негу. Волны едва касались берега, убаюкивая своим плеском. Она почти уснула, но звук, которого тут не должно было быть, мешал погрузиться в сон. Лера подняла голову, прислушалась: какой – то посторонний шорох и еще этот странный звук, словно по камню стучат металлической трубкой.

Решив выяснить, что это за звуки, Лера встала и постаралась заглянуть за выступ утеса, но увидела только кусок черной резины.

«Может, морское течение пригнало мусор и прибило его

к острову? И зачем мне его рассматривать? Завтра его уже здесь не будет». – Думала Лера, но уже входила в теплые волны и, сделав три гребка, оказалась с противоположной стороны, откуда слышался шум. Держась одной рукой за камень, она с удивлением рассматривала аквалангиста, застывшего в неподвижной позе. Только его трубка в такт с волнами, билась о скалу, создавая монотонные звуки.

– И на что можно так долго смотреть? Камни, да морские ежи! – Тихо проговорила Лера и тронула человека за плечо.

Реакции не последовало, аквалангист продолжал рассматривать что-то в морских глубинах. И тогда девушка, уже понимая, с чем ей сейчас предстоит столкнуться, перевернула тело, сняла с него маску и закричала. Безжизненные глаза смотрели в прозрачное небо. И эти глаза были ей хорошо знакомы...

За несколько недель до этого...

Лера с тоской посмотрела за окно, где вовсю веселился дождь, то плавно и медленно роняя свои капли на серый асфальт, а то, припуская сильные струи отбивать одному ему знакомые ритмы. И не было конца этому дождливому веселью.

– Вот ведь противный, какой, все утро заманивал в свои сети! – вздохнула Вера Тимофеевна за соседним столом.

– Кто заманивал? – Не поняла Лера.

– Да дождь этот, – кивнула женщина на окошко, потрянув химическими кудряшками. – С утра погода была, какая?

– Какая? – Эхом повторила Лера.

– Да прекрасная была погода: солнце, небо голубое, птички щебетали. Я вон, в одном летнем платье на работу пришагала и босоножках. – Тимофеевна провела рукой по пестренькому платью в цветочек. – Леонид Петров из телевизора сказал: «В Питере солнечно, осадков не ожидается». Я и зонтик из сумки выложила. А сейчас, что получается? Ни зонта, ни кофточки! Это он специально заманивал, чтобы меня окончательно вымочить.

Лера с удивлением посмотрела на коллегу. Вряд ли дождь поставил себе целью намочить только одну Веру Тимофеевну. Но вслух говорить ничего не стала. А подумала, что если бы взяла отпуск, как планировала на конец июля, то сейчас купалась бы в своем бирюзовом море и не смотрела бы на серый пейзаж за окном.

Но, что, уж, теперь жалеть. Надо набраться терпения, сама согласилась на эту работу.

Работу свою Лера обожала. С раннего детства она рисовала на всем, что попадалось ей под руку: альбомный лист, обрывок любой бумаги, пачка бабушкиных папирос, запотевшее окно, песок. В раннем детстве это были и обои, за что ей попадало от семейства, но в угол ее старались не ставить, – ребенок не понятно, откуда доставал карандаш и вдохновенно творил. Девочка рисовала все, что видела, что встреча-

ла на пути своей маленькой жизни. Это были: ее игрушки, кошки, собаки, воробьи и голуби, дома и машины. Позже Лера стала изображать своих домашних. И делала это настолько похоже, что ни у кого не возникало сомнения – ребенок одарен талантом. В школе она с младших классов была членом редколлегии, и даже старшеклассники относились к ней с уважением.

А после окончания школы Леру Озерову взяли в Муху, Мухинское училище, после предварительного собеседования. Она принесла несколько своих работ, как было положено: рисунок карандашом с натуры, рисунок пером, отмывка тушью, акварель, орнамент и случайно в эту папку попал еще и рисунок: «Умиравший лев», – который Лера скопировала с шедевра Леонардо на пожелтевший лист старого альбома. Вышло так схоже, что бабушка посоветовала внучке не показывать никому эту свою работу, чтобы не волновать окружающих.

– Но почему, ба? Это же красиво! – Любовалась Лера на свое творение. – Пусть смотрят.

– Ты лучше свое рисуй, детка! Природу, зверушек разных, это зла не принесет! – Закивала головой бабуля.

Лера, залюбовавшись на знакомый профиль, тут же схватила карандаш и изобразила бабушку, одним штрихом придав старушке царственный вид.

– Шалунья! – ухмыльнулась Виктория Александровна. – И как ты так можешь? Вроде ничего не меняешь, а у тебя, то

король, то трубочист выходит из простых людей.

И вот на собеседовании рисунок Леонардо случайно оказался в папке, которую Лера тщательно собрала вечером, придирчиво разглядывая каждую свою работу. Не сам же он туда пролез?!

Два преподавателя склонились над рисунком и в молчании рассматривали его несколько минут.

– Простите, это попало сюда случайно, – пролепетала Лера. – Это просто шутка.

– А кто сей шутник? – проговорил высоким голосом седой. Тот, кто показался Лере старше. Она уже всматривалась в его лицо, прикидывая: пойдет ли ему шутовской колпак.

– Я просто попробовала....

– Дорогая, так у нас пробуют студенты на последних курсах, да и то не все.

На нее внимательно смотрели две пары глаз, а Лера чувствовала, как ее лицо заливают краска то ли стыда, то ли гордости.

– Я возьму ее на свой курс, – проговорил тот, что был моложе – с рыжей бородой и живыми карими глазами. «Полярник» – припечатала Лера образ.

– Смотри, не навреди! Эту девушку учить нечему, ее надо только направить.

Но Лера не считала, что ее нечему учить. Она с удовольствием постигала и впитывала любую информацию, которую давали мудрые преподаватели.

Больше всего она обожала уроки в Эрмитаже, когда им было позволено делать копии с мировых шедевров. Она чувствовала свою причастность к великому искусству. Душу ее охватывал трепет каждый раз, когда она переступала порог знаменитого музея. Лера с раннего детства могла бродить по его залам часами, подходя к любимым полотнам, вглядываясь в детали, подмечая, как ложится свет и падают тени, чувствуя, как что-то тяжелое слетает с нее, и делается чище все вокруг.

Написать «нетленку», как мечтали многие студенты Мухи у Леры не получалось, да она и не старалась. Ей больше нравилось делать копии с известных картин, повторяя гениальные изгибы и повороты, копировать игру солнечных лучей, блеск жемчуга на шейках светских красавицах.

– Озерова, куда тебя тянет? Хочешь писать копии в торговых центрах для капризных заказчиков? – Смеялись однокурсники.

Сначала многие завидовали Лериным работам, они были лучшими на курсе, но потом все успокоилось, ничего выдающегося девица Озерова не показывала. А находилась в рамках заданий училища.

Вон, Женька Павлов, какие шедевры выдавал, закачаешься! Даже выставку свою пробил. И это на третьем курсе! Да, мазки слишком грубые, краски плохо смешивает, торопится, но каждая неделя – новая работа. Питер под дождем: мокрый Невский, мокрая Исаакиевская площадь, Летний сад, Пет-

ропавловка сквозь нити дождя. Да, шаблонно, но прибавьте к этому харизму самого художника – уверенного в себе и своем творчестве красавца с копной каштановых волос. Народу нравились его работы и их охотно покупали туристы.

А Озерова написала старушку в красном берете, одиноко съездившуюся на лавочке под дождем, чем заставила заплакать преподавателя. И работа ее долго висела в аудитории, как лучшая.

Распределение после Мухи было свободным. То есть идите, дорогие господа студенты, на все четыре стороны. Хотите, рисуйте фантики, хотите, вынашивайте в себе свою «нетленку», хотите, пишите «жопись» с домиками, озерцом и ромашками на переднем плане. Это хорошо продается, если вы, конечно, сможете пристроить свое творение в отделы мебельных центров.

Но Лере неожиданно сделали интересное предложение – пригласили в реставрационную мастерскую при известном антикварном салоне. О таком выпускнице академии даже мечтать было смело, – туда брали людей с опытом. Салон занимал целых три этажа. Первый и последний – были рабочими, там сидели реставраторы, а на втором был выставочный зал, он же торговый. Точнее, первый этаж был полуподвальным и у сотрудников назывался «подземелье». Леру посадили туда, но девушка была рада своей работе. Она находилась среди холстов, кистей и красок. Что могло быть лучше?

Правда, реставрацией великих полотен, как мечталось,

пока заниматься не приходилось. Она смешивала краски в респираторе, добавляя в них свинец, что меняло состав современных красок. Патинировала рамы. Иногда приносили трогательные картины неизвестных художников прошлого века облупившиеся, растрескавшиеся. Но заказчики умоляли восстановить семейные реликвии. Однажды к Лере подошел хозяин мастерской Павел Аркадьевич, прозванный в народе Павлом первым, с необычной просьбой.

– Сможешь это восстановить? – и протянул небольшое полотно.

– Но это же копия Левитана? Зачем кому то понадобилось реставрировать копию? Да и реставрация будет стоить намного дороже, а по срокам и дольше.

– И что ты предлагаешь? – блеснул очками в тонкой оправе шеф. Он потрогал прядь волос, прикрывавшую лысину, как делал это всегда, когда волновался.

Круглый живот обтягивал модный джемпер яркой оранжевой расцветки, узкие джинсы известной фирмы на тонких ножках смотрелись жалко и дешево. Вздернутый нос и чересчур большая голова на покатых плечах и, правда, придавали сходство с Императором Павлом первым, но шеф представлял себя стройным и красивым и всячески старался соответствовать молодой жене – крашеной брюнетке с пышной грудью. Жену звали Элина – по крайней мере, она так себя называла. Одевалась она в яркие одежды. На ней всего было много: блессток, страз, кожи и меха. Пухлые губы ярко ма-

зались вишневой помадой, а ресницы покрывались тушью в таком количестве, что глаз за ними было не рассмотреть.

Вера Тимофеевна при виде ее опускала голову и начинала глубоко дышать, не произнося при этом ни слова.

– Может, я сделаю просто новую копию? – Лера покосилась на шефа, боясь навлечь на себя его гнев.

Но гнева не было. Шеф засучил ногами, словно собираясь пуститься в пляс, его оранжевый живот заходил ходуном, а рука потянулась к маскирующей лысину пряди.

– А где вы возьмете холст, Озерова? Холст прошлого века. Не будете же вы делать копию на современном полотне.

– На современном я не буду, – стала рассуждать Лера, – хотя современную холстину можно выварить в растворе клея, крахмала, кофе и еще парочки ингредиентов. Получается абсолютно похоже, если, конечно, вы не планируете выставлять картину на Сотбис. Но можно взять старый холст. Там в углу давно стоит одно полотно. Оно начала прошлого века, это и без экспертизы видно. На нем уже ничего не разобрать: ни работы, ни автора. Хранили неправильно, вот все краски высохли и осыпались. Но холст-то отличный. Старую краску смою и загрунтую.

Шеф продолжал пританцовывать, слегка подрагивая, при каждом Лерином слове.

– Мне нравится ваше предложение. Остановимся на первом варианте. Вы, Озерова, попробуйте сварить свой змеиный состав и покажите мне. А я приму решение.

На том и порешили.

Экзамен Лера выдержала. И шеф, и заказчица остались довольны. После этого она словно перешла на следующий курс. Павел первый вызывал ее наверх, знакомил с заказчиком, и милостиво доверял отреставрировать очередную картину или миниатюру.

Лера всегда с трепетом ожидала задания. Она погружалась в свой мир, в котором ей было привычно и спокойно. Будь ее воля, она бы так и жила в этой мастерской, изучая мазки старинных мастеров, следуя за полосками света и тени, отмывая загадочные темные пятна на картинах, снимая старый, потрескавшийся лак, осторожными движениями стряхивая следы времени с портретов. Забирать работу домой воспрещалось строжайше. За слушание сотрудники увольнялись. И Лера с сожалением каждый раз прощалась со своими работами, говоря им: «До свидания» и убирая в сейф, как велел начальник.

В последнее время работы стало настолько много, что у Леры даже скопилась очередь, хоть она и сидела, не поднимая головы. Шеф иногда спускался к ней и поторапливал. Или просил сделать реставрацию какой-то картины в первую очередь.

Однажды случилось невероятное: он взял ее с собой на выезд. Как он сказал: «Хочу посмотреть, как ты, Озерова, способна дать оценку произведениям!» Это было странно, потому что в их салоне работал целый штат профессиональ-

ных оценщиков, да Павел Аркадьевич и сам в этом неплохо разбирался. И никакого иного интереса, кроме профессионального, шеф явно к Лере не питал. Тогда, зачем было брать ее с собой? Всю дорогу она думала об этом, но когда переступила порог странной квартиры, больше похожей на музей, забыла о своих сомнениях. Картины, статуэтки, причудливые вазы, старинная мебель и сервизы в хрустальной горке – от всего этого захватывало дух. И Лера с порога с детским восхищением стала переходить от одного произведения к другому, узнавая руку мастера или вглядываясь в темные, едва заметные силуэты потемневших полотен.

– Боже мой, чья эта квартира? – спросила Лера шефа, когда немного улеглось ее волнение.

Лера оглянулась вокруг: мебель была старинная, но реставрации она явно никогда не знала. Обивка в некоторых местах вытерта до основания, на овальном столе обветшавшая ковровая скатерть, тяжелые портьеры, закрывающие немытые окна покрыты таким слоем пыли, что кажутся бархатными. За мутными стеклами орехового буфета переливались кобальтовые вазы.

– Кто тут живет?

– Одна моя старинная приятельница, родственница, можно сказать. Она сейчас в больнице, но просила меня приглядывать за ее квартирой. Понимаешь теперь, почему я взял с собой тебя?

– Если честно, не понимаю, – пожала плечами Лера.

– Да любой из наших оценщиков, тут же разболтает кому не надо, что он тут увидел. А я волнуюсь за свою родственницу. Думаю, можно сделать несколько реставраций, пока ее нет. Так сказать, в подарок. А некоторые работы явно нуждаются в копиях. Ну, нельзя в наше время так беззаботно вешать на стены подлинники. Это, в конце концов, опасно. Такие картины нормальные люди хранят в банках.

– А со своей родственницей вы это согласовали? – С подозрением спросила Лера. Ей все меньше нравилась вся эта тема.

– Думаешь, она со мной согласится? – Хмыкнул шеф. – Но все равно, это все завещано мне. Она сама мне в этом призналась. Я ее единственный наследник. Пусть и дальше живет и здравствует старушка. Но мне так будет спокойнее. Если согласны сотрудничать, то работать будете в моем кабинете. Там и свет лучше и глаз меньше. А лишние глаза нам с вами, Озерова, в этом деле не нужны. Ну, что вы так смотрите? – пристально взглянул на Леру шеф.

Он перешел с ней на «вы» – то ли вдруг зауважал за ее труд, то ли тайна, которую он ей открыл, подняла Леру в его глазах до уровня соучастника.

А в голове у Леры вихрем носились мысли: «Справлюсь ли с таким заданием? Смогу ли? И за что мне такое счастье?»

– Конечно, работу я оплачу, если вы об этом!

Лера чуть не выпалила, что готова все сделать без всяких денег! Но потом опомнилась, что это прозвучит совсем, уж,

по-детски.

– У меня через три недели отпуск, – опустила она голову, но уже мысленно прощаясь и с бирюзовой тихой бухтой и со скалой в форме шапки Мономаха.

Павел Аркадьевич подошел к окну и, нахмурившись, пытался что-то разглядеть за тусклыми стеклами.

А Лера ругала себя за глупость, которую сморозила. Она с тоской вспомнила бывшего владельца антикварного салона – тихого интеллигентного Аркадия Михайловича – отца нынешнего хозяина, к которому ее привел любимый преподаватель из Мухи. И вроде тот же салон, и любимая работа, и подвал, но что-то исчезло. Как выразилась Вера Тимофеевна: «Пропал прозрачный воздух!»

Вот, как в этой квартире – здесь воздуха было с избытком, несмотря на тусклый свет и грязные окна. С каждой картиной, висящей на стенах, Лера бы с удовольствием поработала. Подержала бы ее в руках, почувствовала бы тот особенный запах, который присутствует у каждой. Кто-то говорит, что это просто пыль, но Лера точно знала, что это запах самой картины. И у каждой он свой, как у людей.

– Ладно, Озерова, не буду вас утруждать. Считайте, я вам ничего не предлагал. Надеюсь, предупредить о том, чтобы вы не распространялись о нашей поездке вас не надо? Уж, на это я могу рассчитывать?

– Павел Аркадьевич, простите! Конечно, я с удовольствием займусь работой. Я готова!

– Но делать все надо быстро, пока родственница в больнице. Потом я отправлю ее в санаторий. Она обожает, когда о ней заботятся. Характер, надо сказать, у родственницы преротивнейший. На все у нас с вами месяца два, не больше.

– Сколько?! – Лера пришла в ужас. – Но тут работы на несколько лет.

– Фу, Валерия! Не думаете же, вы, что мы с вами будем реставрировать всё в этой квартире? Пока мне нужна лишь одна вещь.

Он пошел в другую комнату, куда Леру не пригласил, и вынес кожаный планшет, похожий на папку, в которой музыканты носят ноты.

– Вот наше сокровище, – прошептал Павел Аркадьевич. – Старуха предпочитала держать сей шедевр всегда под рукой. Даже заказала специальную папку для путешествий. Не глупость ли?

– Как Наполеон, который всегда возил за собой любимую картину «Битва при Иссе». Он говорил, она дает ему силы и вдохновляет на бой.

– Сравнила Наполеона с нашей Карловной. Старуха, как Гобсек тряслась над своей коллекцией. Лишний раз из дома не выходила. Сколько раз мы приглашали ее к себе на дачу, подышать, так сказать, воздухом. Но она предпочитала дышать тленом этих картин.

– Она жива? – Пристально глядя на шефа, спросила Лера.

– Я же сказал, она сейчас в больнице.

– Но вы уже несколько раз говорили о ней в прошедшем времени.

– Да она давно уже там, в прошедшем времени. И зачем она хранит все это? Для кого? Так, уж сложилось, что мы с женой ее единственные родственники, но нас она тоже не жалуется любовью. Вся ее жизнь в этих вещах.

– Как это грустно, – согласилась Лера и подошла к столу. – А что же она сейчас без картины уехала? – Тревожное чувство не покидало душу.

– На скорой ее увезли, без сознания была Карловна. Мы с Эллиночкой ночью к ней по звонку примчались. Она уже без сознания лежала. Не до картин было, Озерова.

Взглянув на картину, Лера с удивлением стала разглядывать пасторальный пейзаж: приглушенная зелень разросшихся кустов, гора на заднем плане, дорога, уходящая за поворот, несколько упитанных коров и развалины ротонды в правом углу. Классика.

– Павел Аркадьевич, скажите, чья эта работа?

– По правде сказать, я и сам еще не понял, – после долгого молчания произнес шеф. – Но не надо так волноваться! Тетушка наша – старушка с причудами. Могла хранить у себя все, что угодно. Вот, полюбуйтеесь...

Павел Аркадьевич поднялся и вытащил из комода старинную шкатулку. Лак на ней почти осыпался, но перламутровые вставки еще мерцали бирюзовыми искрами. Вытащив из потайного ложа маленький ключик, он вставил его в неза-

метное отверстие и провернул, послышался тихий звон колокольчика и массивная крышка приподнялась.

– Вот, смотрите, что хранила в ней эта чокнутая.

Лера заглянула в нее и улыбнулась: шкатулка была доверху заполнена фантиками, да какими!

– Ну, и что вы на это скажете, Валерия? Если бы вы знали, чего нам стоило открыть это, с позволения сказать, сокровище! Лялочка так надеялась найти в ней старинные драгоценности! Она, как все женщины, обожает все, что сверкает, – с умилением произнес любящий муж, – а, уж, старинные колечки и сережки.... Сколько я ей их подарил, а всегда радуется новым.

Шеф затих с улыбкой на лице, а Лера с удивлением рассматривала аккуратно сложенные разноцветные бумажки.

– Это же настоящее сокровище! – проговорила она.

Павел Аркадьевич отвлекся от приятных мыслей и, нацепив на нос очки, подошел к столу.

– Лялочка сказала, что это мусор, она была так расстроена, что в шкатулке нет драгоценностей, и я не стал вникать. Сокровище, говоришь...

– Тут фантики кондитерских фабрик царской России: «Абрикосов и сыновья», «Адольф Сиу», а это Эйнем, нынешний «Красный октябрь». Нам в Мухе рассказывали, что фантики для этой фабрики оформляли Михаил Врубель и Александр Бенуа. А для праздников в фантик вкладывали открытки или головоломки. Это же чудо, что такое, Павел

Аркадьевич!

Девушка счастливо улыбалась, словно это ей подарили шоколад с красивым фантиком. Она разглаживала разноцветные бумажки, проводила рукой по шершавой шкатулке, гладила теплое дерево буфета. Все ей здесь было мило, все манило, обещая рассказать свои тайны. «Только прикоснись, Лера!» И Лера касалась, трогала, проводила кончиками пальцев по теплomu дереву, потертым лакированным поверхностям.

– Ну, лично я под словом сокровище понимаю нечто другое. Но могу с вами согласиться, некая ценность в этой коллекции имеется.

– Многие музеи с радостью согласятся принять такой дар! А шкатулка – это вообще произведение искусства: сама форма, потайной замок, а инкрустация из бирюзового перламутра, я о таком даже не читала! Очень редкий оттенок. Только, конечно, она нуждается в серьезной реставрации.

– Ну, прежде чем дарить что-то из этой пещеры Аладдина, мы должны вступить в наследство. Ладно, отвлекли вы меня своими фантиками. Вернемся к картине.

– Если честно, я даже боюсь ее касаться, но ценности, мне кажется, она особой не представляет. Наверное, она просто была дорога вашей Карловне по каким-то причинам. Может, это был подарок ее любимого, – пустилась в размышления Лера.

– А вам и не надо ничего касаться. Тем более что картина

в хорошем состоянии. Пряча ее от посторонних глаз, тетка делала доброе дело.

– Тогда, что от меня требуется?

– Вам надо сделать копию. Всего лишь копию. Вы же мастер по копиям? Вот и копируйте. Холст я вам выдам.

Лере хотелось еще остаться в этой квартире, внимательно рассмотреть каждую мелочь, каждый пейзаж, висевший на стенах, провести рукой по старинным поверхностям, но Павел Аркадьевич, упаковав картину в тесненный кожаный планшет, заспешил к выходу.

«Странно, зачем он меня сюда вообще привез, – размышляла Лера в дороге. – Принес бы картину и поручил копировать».

– Куда тебя Павел первый возил? – Глядя на Леру поверх очков, задала вопрос Вера Тимофеевна.

– На квартиру к своей родственнице, – проговорила Лера и тут только вспомнила, что шеф просил никому не говорить об этом.

Смутившись, что фраза прозвучала несколько двояко, она поторопилась уточнить:

– Просит копию с картины одной сделать. Только вы, Тимофеевна, не говорите тут об этом никому, особенно нашим оценщикам. Павел Аркадьевич не хочет никого посвящать.

«Молодец, Озерова! С тобой в разведку нельзя ходить. Все рассказала, тайну не сохранила, хотя тебя никто и не пытал», – корила себя Лера.

На душе, отчего то, было беспокойно. Время рабочего дня подошло к концу и Лера, не заходя домой, направилась к лучшей подруге в ее салон.

Томкина энергия была ключом, иногда по голове тех, кто находился рядом. Выйдя замуж за своего избранного принца и родив двоих детей, Томка решила, что ей пора оставить след на земле и вплотную занялась поисками себя.

Она посещала многочисленные семинары, по усовершенствованию своей жизни: «Познай себя», «Как привлечь удачу?», «Как осуществить задуманное?», «Как стать богатым и счастливым»? И поскольку таких метущихся было с избытком, то и темы подобных семинаров множились в разных вариациях как грибы после дождя. Томка с усердием слушала и записывала, и даже начала подумывать, чтобы самой посвятить себя этому благородному делу: учить и направлять ищущих, – вон, сколько народу заполняет залы. Но ей ясно дали понять, что таких умников много и попасть с улицы в эту святая святых могут далеко не все. Получив от ворот поворот, Томка засела за всемогущий Интернет и начала бороздить его просторы в поисках нужных идей.

Печь торты, делать уроки с нерадивыми учениками или покрывать ногти узорами, она не умела. А точнее, Томка не умела ничего, что могло бы приносить материальный доход. Но у нее было такое огромное желание денег и славы, что однажды судьба сжалилась над ней или посмеялась.

Приехав как-то за грибами, на родину своих предков, в поселок Кикерино, Томка заглянула в небольшой магазин, и наткнулась на странную сторбленную старушку.

«Прямо баба Яга, – передернула плечами Томка, – раньше я ее не видела».

– У, ведьма! – Плюнула в сторону Томки бабуля. – Весь род их ведьмачий был.

Томку словно к месту прибили. В голове закрутились воспоминания, смелые мысли, она уже готова была расцеловать бабулю за идею. Но от сантиментов сдержалась, а только широко ей улыбнулась, подмигнув зеленым глазом. Чем вызвала настоящую панику у старухи и нескольких местных теток, стоящих у прилавка.

Лера в тот момент была рядом с подругой и находилась, если выражаться высокопарно, у истоков рождения потомственной целительницы и ясновидящей. Томка, не сходя со своего места, нарекла себя – Томгу. Тома Гусева.

Всю обратную дорогу Томка хохотала и строила планы своего светлого будущего. В каждом встречном она видела знаки судьбы и подтверждения правильно выбранного пути.

– Томусик, но ты, же в этом – ни петть, ни свистеть, – пугалась Лера. – Тебя разоблачат и заклеят позором. – Лера пыталась давить на больные места, зная, что для Томки позор равноценен смерти.

Но подруга даже не слушала, ее несло на крыльях мечты.

– И как я об этом не подумала. Мы же раньше, когда при-

езжали с мамой, а позже с тетей Галей всегда видели, что на бабушкином дворе люди толпились, а бабуля их в сарайчике своем принимала. Я тогда даже не задумывалась, – зачем они приходят? А прабабка моя вообще пошла в лес и не вернулась, тогда говорили – в болоте сгинула, а мне сейчас кажется, убили ее в лесу.

– Том, ну почему сразу убили?

– А ты видела, как на меня эта бабуленция накинулась? Помнят, боятся... – удовлетворенно выдохнула Тамара. – Вот только мама никогда об этом не говорила. То ли боялась, то ли меня берегла. А, может, у нее самой этого дара не было? И ведь я читала как-то статью, что дар этот передается по наследству, на генном уровне, даже если человек не учится специально. Понимаешь?

– Ох, Томик, не лезла бы ты сюда! – в последний раз пыталась отговорить подругу Лера. – Ведь еще ни разу ты этих талантов у себя не обнаружила.

– Нет, нет, я точно знаю, что надо только сосредоточиться, покопаться, так сказать, в себе, побыть в тишине. Но рекламу уже пора давать и помещение офиса подобрать.

– Офиса?!

– Ну, офиса или салона, пока не решила, как лучше. Не дома же я буду людей принимать? А хорошо бы еще на телевидение пробраться.

– Ну, есть шоу: «Битва экстрасенсов», – стала размышлять Лера.

– Ты чего, Озерова? Где я и где экстрасенсы!

Но энергия, желание и Томкин оптимизм делали свое дело. Через несколько месяцев астрологический центр «Томгу» начал свою трудовую деятельность. В рекламу Тамара вложила почти все деньги, которые на тот момент заработал ее муж – честный труженик . . . . Портреты ее мелькали в журналах с телевизионной программой, иногда Лера видела фото подруги расклеенное на фонарных столбах, в городских автобусах, на остановках общественного транспорта. Томка в темном парике загадочно улыбалась, сжимая в руке бокал с красным вином. Надписи гласили, что потомственная целительница и ясновидящая излечит ваши недуги, вернет любимых и сделает вас счастливыми.

– Том, ну, что за бред?! Никакой волшебник не может сделать тебя счастливым просто потому, что ты ему заплатила. Даже фея у Золушки наколдовала ей счастье только до двенадцати часов, а дальше сама, сама. . . . Не боишься, что тебя побьют за неисполнения мечт?

– А это хорошая мысль, Лерка!

– Что тебя побьют?

– Нет, про фею. Я вам помогу, подтолкну, ну, а дальше вы сами должны стараться. А если у кого-то не случилось, то – плохо вы, батенька, старались. Не очень, то и нужно вам было это счастье! Валерия – ты гений! Иди ко мне в ассистенты!

– Тьфу на тебя, целительница!

– Еще посмотришь, какие ко мне очереди будут! Запись

на несколько месяцев, – мечтательно закрыла глаза ясновидящая.

Похоже, только Томка не боялась своего светлого будущего. Она сняла неплохое помещение с отдельным входом, заставила Леру написать несколько картин по мотивам фэнтези, покрасила стены в черный цвет и взяла из приюта трех черных котов, которые обстановку вполне одобрили и чувствовали себя в ней как дома. Два потом, правда, испарились – вышли в астрал. Но один бодро нес вахту, появляясь из-за угла, и пугая посетителей. Вместо стульев Томка притащила кресла с высокими спинками, как из замка Дракулы, и повесила на стены бра с тусклым светом, короче интерьер получился загадочным и немного пугающим.

– Не мрачновато? – скептически осматривалась Лера.

– В самый раз, чтобы не расслаблялись.

Как ни странно, народ к Томке действительно пошел. А некоторые даже возвращались со своими друзьями и родственниками, которым тоже нужна была помощь в трудной ситуации.

– Том, а тебя совесть не мучает, что ты людей обманываешь?

– Глупая ты, Озерова! Я никого не обманываю! Я даю людям надежду на светлое будущее. Каждый человек рождается для счастья. А потом мы сами себе мешаем быть счастливыми. Сомневаемся, анализируем там, где надо просто поверить, принять. Вот дети – они счастливы, если взрослые их

не особенно прессуют. Они всем довольны, всему рады, даже какой-нибудь мухе в коробочке. А взрослые мешают им наслаждаться жизнью. Детям надо давать больше свободы!

– Интересно рассуждаешь! А ты своим детям много свободы даешь? Тоже и кашу ненавистную есть заставляешь, и гулять до темноты не разрешаешь и книжки по ночам читать разве позволишь?

– Время такое, Лерка! Вот дострою загородный дом, перевезу свою семью на природу, и пусть себе гуляют по собственной территории, хоть всю ночь!

– Это такое же ограничение свободы – прогулки за забором! Не забывай, когда ты еще достроишь! К тому времени твои Генка с Ленкой вырастут, и их уже ни за каким забором не удержишь.

– Ничего, недолго осталось.

Лера нажала кнопку звонка и услышала тихий голос Томкиной помощницы:

– Вы записаны к Томгу?

– У меня частный визит, – произнесла Лера пароль.

Дверь отворилась, и Лера вошла в другой мир. Она невольно оглянулась – за ее спиной еще светило июльское вечернее солнце. Прошедший дождь умыл зеленую листву и улицы, освежил знойный воздух, наполнил его ароматами буйно цветущего жасмина. А тут тускло горели мрачные бра, черные стены и зеркала уводили вошедших в другое измере-

ние. На стуле с высокой спинкой восседал последний посетитель, глядя перед собой немигающим взором. Можно было подумать, что он спит с открытыми глазами, только его беспокойные пальцы все время шевелились, словно он нажимал невидимые клавиши. Бледность его подчеркивала черная одежда, которая явно была велика на пару размеров. Седые, давно нестриженные волосы, спрятаны под воротник.

«Зачем он сюда пришел? – подумала Лера. – С какой проблемой?» Ей стало жалко Томку. Сколько же таких несчастных обращаются к ней с просьбами, приносят свои беды, ждут помощи...

Дверь в кабинет потомственной целительности Томгу отворилась, и на пороге пятясь спиной, возникла плотная невысокая женщина с рыжими кудряшками:

– Я не знаю, как вас благодарить, дорогая моя, – кланялась тетка и смешно приседала в поклонах. – Вы же не только мою судьбу спасли, вы спасли всю семью Зубрилкиных, можно сказать, целое поколение! От всего нашего рода вам вечная память.... Ой, то есть вечная слава.... Ну, короче огромное спасибо!

Томка смотрела на тетку усталым взглядом и кивала в ответ на дифирамбы. Заметив подругу, она попросила посетителя немного подождать, чтобы восстановить утраченные силы и кивнула Лере на вторую дверь. Это была такая замечательная находка – можно было пройти или выйти из Томкиного кабинета, минуя очередь страждущих. Лера быстро

юркнула внутрь и плюхнулась в теплое еще кресло.

– Подождешь меня немного? Я сейчас с этим господином закончу, и можно будет уходить. На сегодня все! – Тамара поправила парик из черных волос, который прикрывал ее пшеничные косы.

В своем офисе Томка всегда ходила в парике. Она считала, что так больше похожа на тот образ целительницы и провидицы, который сидел в голове у многих.

– Подожду, конечно, только мне твоя помощь нужна, Том!

– Помогу, чем смогу. А пока иди на диванчик.

Диванчик находился за плотной темной шторой, которой Томка отгораживала личное пространство. Тут был ее гардероб с различными мантиями для особых случаев, журнальный столик с чайными принадлежностями и небольшой книжный шкаф. Томка нашла в деревенском доме тетради с записями, сделанные женщинами их рода. Правда, в них не было никаких черных заклинаний, но были простые рецепты отваров, настоев и различных чаев, помогающих при болях, отеках и различных хворях.

И надо отдать должное, Томка самостоятельно выезжала загород, собирала, и сушила травы на правильной Луне и даже готовила на их основе снадобья. И Томкин бизнес процветал. Люди шли к ней за надеждой, добрым словом и успокоением, что все в их жизни будет хорошо, главное верить в это хорошо. И люди верили.

– Вы – моя последняя надежда, – услышала Лера тихий

мужской голос.

– Надежда не бывает последней. Она просто надежда, – поправила Томка. – С чем вы ко мне пришли?

– Моя жена больна, врачи отказались делать ей операцию, говорят – уже нет смысла! Помогите нам! Я знаю, вы можете все!

Возникла долгая пауза. Тома молчала, а мужчина, так показалось Лере, плакал. Ей стало неуютно, словно она вторглась в очень хрупкую постройку и одним неосторожным движением, может все здесь разрушить. Лера даже дышать перестала, чтобы дыханием не нарушить равновесия добра и зла. Добро обязательно должно победить, а Тамара помочь этому несчастному.

– Простите, я не лечу рак! Просто не имею на это ни медицинского, ни морального права. Небеса не дают мне такой возможности, не позволяют! Мне очень жаль!

– Но позвольте, я привезу ее к вам! Вы просто посмотрите на нее, увидите, как она красива, как добра. Она не должна уйти, не должна меня покинуть! Просто поговорите с ней! Она так много о вас говорит!

– Хорошо, я с удовольствием приму вашу жену. Поговорю с ней. Это будет в самое ближайшее время. Но я не берусь за лечение. Это вы понимаете?

– Да, да, спасибо вам большое! Спасибо! Вы дадите нам надежду, а это уже дорогого стоит!

Дверь хлопнула, слышались поспешные шаги. А Том-

ка вошла совсем другая, не похожая на себя. Она была потерянная, с потухшими газами и, словно, меньше ростом. Лера обняла ее.

– Ну, целительница моя дорогая, не расстраивайся. Ты же не всемогущая!

– Иногда я себя ненавижу. Правда, я даже не записываю с таким диагнозом. Но видишь, этот человек как-то прошел.

– Том, а интересно, твои бабушки лечили такое заболевание? И болели люди этим раньше?

– Не знаю, Лерочка. Но, ты подала мне мысль – сегодня, же почитаю внимательно бабушкины тетради. Может, что и найду. Ну, а у тебя что?

– У меня душа неспокойна! Но почему – не могу понять! Погадай, а?

– Ну, Лерка, и ты туда же! Как я тебе погадаю?

– На кофейной гуще, помнишь, как раньше?

– Да, я же тогда шутила, придумывала все!

– Ну, вот и сейчас придумай! Вон, как тебя тетка со смешной фамилией благодарила, – улыбнулась Лера. – А за что, можешь сказать?

– Да не ладили они друг с другом. Типичная история: дочка, зять, внуки, муж. И никто не хочет уступить, все друг на друга наезжают.

– И как ты, о, великая миротворица, примирила всю семью?

– Элементарно, Ватсон! Поговорила с каждым отдельно,

даже со старшей внучкой. Благо, их всех постоянные семейные конфликты выматывали, никто домой возвращаться не хотел. И каждому внушила, что только он один в семье главный, даже внучка, и от него одного зависит мир в семье. Он должен сдерживаться, не ссориться, идти на уступки, чтобы семью сохранить. А семья у них уникальная, ей предназначено сделать наш мир светлее, лучше. Подействовало, – улыбнулась Томка.

– Да ты волшебница или хороший психолог?

– А я окончила курсы по психологии. Без этого в нашей профессии нельзя. Психология – великая вещь! Если уметь ее правильно применять.

– Это как?

– Если понимать взгляды, жесты, движения, мимику, то можно читать людей, как открытые книги. Я сначала думала: Эх, надо бы всех заставить изучать психологию, как обязательную дисциплину. Тогда бы все люди понимали друг друга, имели общий язык. А потом поняла, что страшно тогда бы жить стало, не интересно. Все про всех все знают и понимают, никакой тайны, интриги, интереса. Скучно, одним словом.

Тамара насыпала в чашки по две ложки молотого кофе, налила воды и сунула в микроволновку на две минуты.

– Том, ты не перестаешь меня удивлять. Я тобой уже горжусь!

– Ну, давай кофе пить, – махнула рукой Тамара, блеснув

своими зелеными глазами. – Я тут кое – что подчитала про гущу кофейную, сейчас будем мою теорию применять на практике.

Лера перевернула маленькую фарфоровую чашку кверху дном, поставила ее на блюдце и подвинула к Тамаре.

– Подумай, что ты хочешь узнать, – слегка нахмурила брови Томка.

– Да в том, то и дело, что я не знаю, что меня тревожит!

– Ну, тогда будем смотреть по факту, – Тамара перевернула чашку и стала всматриваться в причудливые кофейные подтеки.

– Ну, что там? – Лера нетерпеливо подошла к подруге и тоже начала рассматривать разводы, правда, ей они ни о чем не говорили, в отличие от Тамары.

– Смотри, подруга: вот это ты, видишь силуэт с мальчишеской стрижкой, ну, вылитая ты! А вот за твоей спиной стоит кто – то темный и он заносит над тобой, то ли палку, то ли топор.

– Голову мне что – ли отрубит?

– Ну, не все так буквально, но собирается кто – то тебе удар нанести.

– За что?

– Из-за денег. Видишь, вокруг вас мелкие точки? Это деньги и их очень много.

– Да, откуда они, Том?

– Не могу сказать.

– И, что, меня стукнут по голове?

– Лер, прости, но не могу до конца понять. Только видишь, за спиной этого нападающего не то волк, не то собака. Она тебя защитит.

– Да, все чудесатее и чудесатее, – промолвила Лера. – Лучше мне, конечно, не стало.

– Ну, предупрежден, значит, вооружен.

– Буду держаться подальше от больших денег, да и маленьких тоже. Буду опасаться мужиков с палками и топорами. Буду присматриваться к бездомным собакам или волкам. Может, мне надо взять себе собачку из приюта? Как – то так! – Подытожила она.

– Будь осторожна, Лерусик! Не ввязывайся в авантюры. Не нравится мне нынешний ваш хозяин. И как у такого достойного отца вырос такой мутный сын?

– Да он никому не нравится.

Лера хотела рассказать Томке о визите в странную квартиру, но не стала, ведь дала обещание не рассказывать никому. Ей не терпелось остаться одной и все обдумать, но еще больше, хотелось взять в руки картину из кожаного планшета и рассматривать ее, вглядываясь в сюжет, игру света, подбор красок. Кто же ее написал? И почему хозяйка только ее одну хранила так бережно, пряча от посторонних глаз. На стенах висели куда более ценные полотна. А, может, этот незатейливый пейзаж только ширма, а под ним прячется картина великого мастера? Вопросов, а с ними и волнения станови-

лось больше.

Павел Аркадьевич позвонил на следующее утро в субботу.

– Озерова, не разбудил?

Лера как раз собиралась на пробежку и уже стояла в дверях, шнуруя кроссовки.

Не дожидаясь ответа, Павел Аркадьевич сразу предложил встретиться в салоне через час.

– И, по – возможности, не задерживайтесь. Все – таки суббота.

Лера вылезла из кроссовок, переделась, как смогла пригладила непослушные волосы и выбежала из дома.

– Я подумал, Озерова, что тянуть? Приступай к работе прямо сегодня. Я же вижу, как тебе не терпится.

У Леры дрогнуло что-то внутри, снова волнение охватило ее душу. Правда, планы были совсем другие. Брат с женой улетели в Испанию, а двух своих близнецов торжественно передали родителям на дачу. Считалось, что бабушка с дедом должны быть на седьмом небе от счастья и рассыпаться в благодарностях за то, что им позволено немного исполнять капризы двух второклассников.

Мама позвонила на следующее утро и с дрожью в голосе прошептала Лере, что две недели она вряд ли выдержит.

– А что не так, мам?

– Они неуправляемы. Встали с плохим настроением оба. Требуют родителей или поход в Макдональдс. Кашу сказали, не едят вообще, а также омлет и блинчики. Лера, чем их Иветта кормила, ты не знаешь? – с мольбой прошептала мама.

Жена брата Иветта была эстонка – красивая, высокая, статная с длинными светлыми волосами и голубыми глазами и, как многие прибалтийские женщины – холодной, выдержанной и организованной. Своих близнецов, мужа и обретенную родню, Иветта держала в строгости. Сантименты не допускались ни в отношении детей, ни с бабушками и дедом. Мальчики всегда аккуратно одетые вежливо держались со старшим поколением, степенно делились своими успехами в школе и бассейне.

Иветта считала, что плавание не только развивает тело, но и укрепляет иммунитет. То ли бассейн свое дело делал, то ли иммунитет у мальчиков был крепкий, но болезни обходили их стороной.

У родственников был специальный день – первая и третья суббота каждого месяца, – своеобразный день открытых дверей. Бабушки и дед приходили общаться с внуками за большим столом с чаем и тортом. Это называлось у Иветты семейным обедом.

Но даже таким идеальным мамам нужен был отдых от идеальных детей.

И вот сейчас эти идеальные или не совсем идеальные де-

ти, отпущенные на свободу, совершенствовали свои характеры и закаляли организмы на даче у бабушки.

Мама еще с вечера договорилась с Лерой, что она обязательно приедет к ним на выходные, и вот, похоже, что их уговор будет нарушен.

Павел Аркадьевич в белых брюках и белой футболке поло, весь сияющий и пахнувший дорогим парфюмом, радостно приветствовал сотрудницу, снова перейдя на «ты»:

– Озерова, ты, как скорая помощь. Только вызвал, уже приехала.

– Здравствуйте, Павел Аркадьевич! – кивнула Лера, не отрывая глаз от кожаного планшета у него на столе.

– Вижу, вижу, как заинтриговала тебя эта наша семейная ценность, – снисходительно улыбнулся шеф.

– Простите, а я хотела спросить, откуда у вашей родственницы такое собрание картин? В нашем салоне и то меньше экспонатов.

– Не одно поколение собирательством занималось, как ты понимаешь. Отец Ромми Карловны еще до революции в Россию приехал. А ее долго при Советах Риммой Кондратьевной звали. Это она уже в девяностых попросила ее родным именем называть. Говорила, что, может, судьба ее поэтому и была такой невезучей, что не под своим именем жила.

– Не думаю, что после войны она бы пользовалась большой любовью, если бы звалась Ромми Карловной. А замужем она не была?

– Почему же? Была! И муж ее был офицером, воевал. Он то и привез большую часть семейных реликвий, – хмыкнул Павел Аркадьевич. – Тогда многие так делали. Компенсировали ужасы войны, так сказать. Что – то они даже отдали в музеи, кажется. Но мы отвлеклись, Озерова. Я вот, что подумал: ты же у нас умница, тонко чувствуешь цвет, переходы, игру света и тени. Я ничего не упустил?

– А к чему вы это? – опустила глаза Лера. – Ей не понравилось это вступление.

– А что если, Озерова, я дам тебе качественное фото? Могу даже в натуральную величину. Сейчас знаешь, какое качество фотографии!

– Но мне надо хотя бы на некоторое время поработать с оригиналом. Иначе, это будет не точно. Ни одна фотокамера не сможет передать настроения автора. А вы уже знаете, кто ее написал?

– Не доехал пока... И у тебя никаких мыслей? – прищурился Павел Аркадьевич.

– Я слишком мало времени провела с ней.

– Ну, это к лучшему, – прошептал шеф. – Так, по фотографии работаем?

– Только не сегодня. Мне надо пообщаться с ней немного. Кстати, а холст вы привезли?

– Вот, черт! Совсем из головы выпало. Ну, значит, не судьба. Зря только время потерял, – досадливо поморщился Павел Аркадьевич.

– И я, – вздохнула Лера, вспомнив, что теперь надо будет тащиться за машиной, чтобы ехать на дачу.

Выйдя на пенсию, родители Леры Озеровой осуществили свою мечту – купили домик у озера. Конечно, в смелых мечтах был дом у моря, но с морем как – то не сложилось. Да и оставлять двух, хоть и взрослых детей, мама отказывалась.

– Ну, как вы без меня будете? Кто вам приготовит, поговорит, наставит на путь истинный?

Дети не сопротивлялись. Лере тоже сложно было представить, как она будет жить вдали от мамы с папой.

Домик начали искать с осени. Объехали много деревень и поселков. Садоводства папа категорически отвергал.

– Мне нужна жизнь, а не сезонные грядки. Я планирую переехать на постоянное место жительства, а не на полтора месяца питерского лета.

Коттеджные поселки тоже не приветствовались:

– Те же садоводства, только дома больше, да снобизм выше крыш.

Наконец, в феврале, когда у мамы стало пропадать терпение, а Лера с братом Сашкой уже перестали сопровождать родителей на просмотры, позвонил папа и радостно оповестил, что нашел дом своей мечты:

– Хоть я и держал образ мечты в голове, но в натуре он оказался еще лучше моих фантазий. А еще в поселке есть два магазина, клуб, в котором вполне приличное кафе, баня

и такая светлая церковь, что даже у меня слезы навернулись. К тому же там большая коровья ферма. Да и местное население держит коров, разводит кур. Мы готовы переехать на следующей неделе.

– Пап, документы так быстро не оформят! – заволновались брат с сестрой. – Не торопись!

– Ну, пусть Саша поработает с документами! Юриста выучили, должен же он родителям помочь!

Вся семья погрузилась в сборы, даже Иветта приходила вечерами и со свойственной ей педантичностью, аккуратно складывала посуду и книги в большие икеевские коробки. На первое мая запланировали торжественный переезд. Дом и, правда, оказался удивительным – просторный, с широкой солнечной застекленной верандой, с белой беседкой в конце участка, с яблоневыми деревьями и зарослями малины. Из окон второго этажа виднелось большое озеро, отражая плывущие облака. На другом берегу белели стволами березки.

– Ну, как? – бегал довольный отец. – Кто ищет, тот всегда найдет. Главное, точно знать, что ищешь.

Маму, правда, немного огорчало, что центр поселка находится в некотором удалении от дома, но зато озеро и тихие соседи компенсировали это неудобство.

Родители наслаждались одиночеством и покоем ровно два месяца, а потом случилось нашествие внуков.

Мама с покорностью констатировала, что субботние обеды – это одно, а постоянное времяпрепровождение без за-

служенного авторитета – это совсем другое.

– Понимаешь, они на нас смотрят, как на абсолютно чужих людей? – с жаром шептала мама Лере. – Мы с папой считали, что мальчишки привыкнут к нам, будем вместе ходить на озеро, гулять по поселку, а вместо этого, они, по-моему, дичают и превращаются в маугли.

Когда на горизонте появлялись родители близнецов, у них сами собой приглаживались волосы, застегивались пуговицы, очищались веснушчатые щеки, и в голубых глазах появлялось выражение покорности, радости и уважение ко всем окружающим предметам. Они с удовольствием усаживались за круглый стол на веранде и уплетали бабушкины оладьи с медом, запивая их молоком. Верхом детской подлости были льстивые поцелуи и слова благодарности любимой бабушке за вкусный завтрак или ужин, в зависимости от времени суток.

Они доставали из сарая удочки и обещали показать папе рыбные места. Сашка с Иветтой были счастливы от пребывания детей на свежем воздухе, а у бабушки с дедом не поворачивался язык обвинить собственных внуков в лживости и притворстве. Единственная угроза, что маме с папой расскажут об истинном поведении и отправят в город, немного работала.

Выходные давали небольшой передых от холодной войны. Пока Иветта не объявила, что они отправляются на две недели в Испанию. «Саше надо отдохнуть!» – Аргумент, против

которого мама возразить не могла, но с мольбой в глазах обратилась к Лере:

– Лерочка, на тебя вся надежда. По-моему, при тебе они ведут себя немного тише.

Машина несколько раз чихнула, заурчала и заглохла. Это было что-то новое. К зимним забастовкам любимого автомобиля Лера уже привыкла. Знающие люди поясняли это тем, что дизельное топливо на морозе если не замерзает, то становится вязким и двигатель, поэтому может не заводиться. Лера доливала специальные присадки в бензобак, старалась всегда держать бак полным, ездить на машине каждый день, но, как только в город приходили настоящие морозы, машина брала отпуск и упрямо не хотела двигаться с места в холодные дни. Лера уговаривала, злилась и обещала отдать автомобиль в хорошие руки на Авито. Но, с приходом теплых дней, машина была готова к движению, и Лера прощала ей зимние капризы.

Но вот в теплый летний день, да еще когда надо было ехать на дачу, когда машина была нужна, как никогда, – такое простить было сложно. И Лера, хлопнув дверцей и топнув ножкой, громко заявила, что больше терпеть вздорный характер немецкой фрау не намерена.

– Сегодня же займусь поиском нового автомобиля! Сколько можно выносить твои фокусы? Ты даже не понимаешь, как мне сегодня нужна. По твоей милости я буду трястись

в переполненной электричке, потом тащиться на автобусе и идти довольно приличное расстояние пешком. Да ты хоть понимаешь, как это долго и утомительно? А мне еще надо заехать за продуктами. Мама целый список вчера надиктовала.

Лера подняла капот, заглянула под него без всякой надежды, пошевелила рукой какие-то трубочки и болтики и снова села за руль. Повернув ключ в замке зажигания, Лера услышала ровный тихий рокот мотора.

– Ура! – Выдохнула она шепотом. – Довези меня сегодня до дачи, а там папа постарается тебя полечить. – Обратилась она к своей машинке.

Еще не веря своему счастью, девушка аккуратно выехала со стоянки и через несколько минут уже ехала в автомобильном потоке по кольцевой дороге в сторону родительского дома.

Это был такой необычный выходной день, когда в Питере царило лето. На небо не заглянула ни одна тучка, и оно сияло пронзительной синевой. От жары народ потянулся в парки и к воде. На лицах у многих блуждала улыбка и покой. А что делить в такую благодать, зачем злиться? Мир прекрасен!

Навстречу Лере никто не выбежал, и девушка осторожно открыв калитку, вошла внутрь.

На веранде мама, немного странного вида перебирала малину. На голове у нее была вязаная повязка, в которую кто-то заботливо воткнул голубиное перо. Поверх летнего халата

мама надела старую скатерть с прорезью для головы.

– Привет, мамуль, что за маскарад? – тихо спросила Лера.

Мама вздрогнула от неожиданности и посмотрела на дочь вымученным, уставшим взглядом.

– А я теперь не мама и не бабушка, я – скво.

– Кто?

– Индейская скво. Мы уже несколько дней живем по законам индейского племени. Спасибо твоему папе. Нашел на чердаке книжку про индейцев, и теперь близнецы понимают только эти правила.

– Они, надеюсь, не знают точного значения этого слова? – подняла бровь Лера.

– Нет, конечно! Они изучают жизнь индейцев по книгам Купера, а тот свято верил, что «скво» – это женщина и ничего больше.

– Ну, тогда тоже будем играть с ними по правилам, – закусила губы Лера и погрузилась в свой смартфон.

– Лерочка, вот ты скажи, что им не хватает? – принялась изливаться наболевшее мама. – Свежий воздух, озеро, рядом любящие бабушка с дедом, а они, как волчата на все смотрят и ворчат, словно два старичка. С вами у меня таких проблем не было. Вы всегда и всем были довольны. Не дети – золото! – Вздохнула мама. – Лер, когда ты нам внуков родишь?

Это было что-то новенькое. Мама никогда еще не заговаривала с Лерой на эту тему. Лера даже оторвалась на минутку от своего смартфона и с удивлением посмотрела на мать.

– А этих двух ты внуками не считаешь?

– Считаю, конечно, – смутилась мама, – но мне кажется, что твои дети будут к нам лучше относиться.

Мама, мечтательно глядя в синеву летнего неба, задумалась, а Лера вновь погрузилась в изучение индейской темы.

Через полчаса идиллию летнего дня, когда в воздухе слышалось только жужжание пчел, нарушили сердитые мальчишеские голоса.

– Идут! – вздрогнула мама и с испугом посмотрела на Леру.

Лера кивнула, накинула на себя старую льняную занавеску, повязала на голову ленту, воткнув в нее перо от соседской курицы.

Скрестив на груди руки, Лера встала у входа на веранду. Мальчишки с перьями в кудрявых светлых волосах, остановились в нерешительности, не зная, как реагировать на такую фигуру. С одной стороны им нравилась веселая тетя Лера, которая могла нарисовать им любой персонаж из мультика, с которой можно было подурачиться, когда не видела мама, но сейчас она смотрела серьезно и даже враждебно.

– Хау, санкаку! – выдала Лера приветствие.

Мальчишки застыли, раскрыв рты, в руках у них были выточенные из палок остроги, как и подобает настоящим индейцам. Папа с пером в седых волосах держал удочку, и ведро с парой карасей. Он с улыбкой смотрел на дочь, но молчание не прерывал.

– Никакие мы не каку, – первым пришел в себя один из братьев.

«Вовка», – догадалась Лера.

При поразительном сходстве, братья отличались темпераментом. Вовка был живым, быстро соображал, беспрекословно главенствовал и назван был в честь отца Леры и Александра. Костя во всем следовал за братом, отдавая ему пальму первенства, был добродушнее и отзывчивей. С ним всегда можно было договориться, он легко шел на компромиссы, в отличие от брата. Свое имя он получил в честь отца Иветты. Оба деда были счастливы.

– Мы не каку, мы индейцы! – подхватил Костя.

– Индейцы, а не понимаете, что «Санкаку» – это младшие братья, – фыркнула Лера. – Приветствую и тебя ..., – повернулась она к отцу.

– Томагавк, – выпалил папа и затрясся в безмолвном смехе.

Лера закатила глаза и с немым вопросом посмотрела на отца.

– А как ваши имена? – обратилась Лера к близнецам.

– Лер, ну мы еще не придумали, – заныли оба. – Ты нам помоги. А у тебя есть имя?

– Конечно! Первым делом надо придумать себе имя, для индейцев это самое важное. Имя сразу дает понять, кто перед тобой: тихий ручей или бурная река.

– Мое имя Лакота. Что означает – земля.

Мальчишки с восторгом в глазах смотрели на нового игрока в команде. Предвкушая, какие интересные приключения их ожидают.

– Так, сначала все индейцы моют руки и ноги и садятся за круглый стол. Там наша Ина уже приготовила войюте.

– А Ина это кто?

– А войюте это что? – Посыпались вопросы.

– Ина в переводе с индейского мама, а войюте – это...

– Еда! – Сообразили мальчишки.

– Хау! Я все сказал! – Подняла руку Лера.

Во время обеда никто не капризничал. Или дети проголодались, или поняли, что для настоящих индейцев это непозволительно. Мама смотрела на все происходящее широко открытыми глазами и только кидала благодарные взгляды на дочь.

– Лер, хорошо бы они поспали немного после обеда или хотя бы полежали. Они тогда спокойнее становятся.

– Санкаку, полезли на чердак, будем подбирать имена, – скомандовала Лера, заметив, как оба родителя выдохнули с облегчением, когда близнецы беспрекословно поднялись из-за стола и пошли за своей тетей.

После придирчивых разбирательств и мелкой ссоры, выбрали имена. Вовку назвали Вохитикой, что означало храбрец, а Костю – Кетэн – ястреб.

Полежали на старых раскинутых шкурах на чердаке, любовались на синюю гладь озера из чердачного окошка, по-

читали Фенимора Купера. И уснули втроем.

Разбудила Леру мама с телефоном в руках:

– Лерочка, тут твой начальник, говорит, что ты нужна срочно.

Павел Аркадьевич без предисловий и извинений сообщил, что Лере срочно нужно приехать в город и это дело не может ждать до понедельника.

Лера сонными глазами смотрела на маму, на спящих племянников, безмятежность и радость летнего дня и такого долгожданного субботнего вечера разбились на тысячи осколков разочарования.

– Мам, мне ехать надо! Шеф вызывает, – грустно проговорила Лера и постаралась не разреветься. – И ведь он меня уже с утра вызывал, я даже на пробежку не пошла, на работу помчалась, расстались до понедельника, а тут снова здорово.

– Лерочка, а у вас с ним только рабочие отношения? – робко спросила мама, отводя взгляд в сторону.

– Мам! Конечно, ты бы его видела! Просто чувствую, задумал какую-то аферу, только пока не поняла какую, – высказала Лера мысль, которая ее волновала и тут же пожалела.

Не стоило родителей пугать, они не так все понимают. Им кажется, что афера – это что-то опасное, противозаконное, а у Павла Аркадьевича вся жизнь – одна сплошная афера.

Выйдя в сад, Лера еще раз посетовала на срочный вызов. С соседних участков потянуло аппетитным дымком – кто-то начал жарить шашлыки, слышался смех, звон посуды, где-

то тихо играл приемник. Народ готовился к встрече летнего вечера со всеми вытекающими подробностями, чтобы потом зимой вспоминать и вздыхать об ушедшем лете и с нетерпением ждать нового.

Папа с довольным лицом тоже раскладывал в старый мангал аккуратные поленья, но увидев Леру, все понял, и сразу сник:

– А мы с тобой даже не успели поговорить.

– Пап, я постараюсь вернуться сегодня вечером. Вот туда и сразу назад.

– Не обещай, Лер, и не торопись. Езжай, если надо!

– А я хотела, чтобы ты машину посмотрел, что-то она у меня опять хандрит.

– Это лучше к мастерам хорошим, Лерочка, – встряла мама. – Машина – вещь опасная. Надо, чтобы мастера посмотрели.

– Озерова, я не представляю, как ты будешь работать, но срок у тебя пять дней. Как ты понимаешь, начинать надо сегодня. – Без предисловий, извинений, что нарушил субботние планы, без признательности, что примчалась так быстро, начал шеф.

– Но, Павел Аркадьевич, это же невозможно! – вскрикнула Лера. – Чтобы загрунтовать холст белилами надо четыре, пять дней.

– Ну, прояви свои хитрости. Как там у вас, художников:

в морозилку положить, или на солнце выставить. Есть десятки способов.

– Все равно, даже если я положу отгрунтованное полотно в сушильную камеру, коей я не имею, должно пройти еще два дня, чтобы грунт окончательно просох. И потом, самые быстросохнущие краски, ну, например, «Да Винчи», сохнут не менее 30 – 40 часов, и это один слой.

– Озерова, пожалуйста, не грузи меня всеми этими подробностями, прошу! – скривился шеф. – Короче, вот тебе картина. Надеюсь, ты понимаешь, что несешь за нее ответственность. Делай фото, наброски, эскизы. Но держать картину у себя больше пяти дней я тебе не дам.

– Я попробую, что-то сделать. Только окончательный вариант вы получите не раньше месяца. Конечно, если вам нужна копия, приближенная к оригиналу. И мне нужны хорошие краски органического происхождения, с высокой светостойкостью.

– Например, какие?

– Ну, у «Лефранка» идеальная палитра, «Фрагонара» славится чистотой света, к тому же там натуральное льняное масло. Но в нашем случае, лучше взять «Муссини». Это высокотехнологичное воссоздание масла эпохи Возрождения. Там все краски отлично смешиваются и цвета, как у мастеров времен Рембранта.

– Это реально можно купить?

– В эпоху Интернета можно все. Только действовать надо

быстро. Вы ж понимаете, Павел Аркадьевич.

– Ладно, вот тебе полотно, иди, грунтуй. Я займусь красками. Картина пока будет у меня.

«То есть, наша встреча снова была впустую, – с грустью подумала Лера, вспомнив то счастливое место, которое она покинула час назад. – А вот возьму сейчас и вернусь туда».

Но звонок Томки нарушил светлые планы.

– Лер, ты дома? – произнесла Тамара приглушенным голосом.

– Почти, Том. А что голос такой грустный?

– Я сейчас была у одного своего клиента. Ты должна его помнить – высокий такой, худой с нервными пальцами. Он еще собирался привести ко мне свою жену.

– Ну, конечно, я его помню.

– Он позвонил утром и со слезами попросил приехать к ним домой, так как жене стало хуже.

– И что?

– Лер, она умерла у меня на руках. В прямом смысле. Я подложила свои руки ей под голову, она улыбнулась и все...

Голос у Томки задрожал, слышались всхлипывания.

– Лерочка, приезжай! Мне так страшно. Я одна дома, Ромка с детьми в Италии, а я обещала свекрови приехать к ней на дачу, но чувствую, что сегодня мне к ней ехать не надо. Я какая-то вся грязная, словно паутиной покрылась.

– Не говори ерунды, Том. Какая паутина? Умер человек. Посторонний тебе человек. Почему это так тебя волнует?

– Не знаю, Лера, не знаю. Сама не пойму!

Лера развернула машину и поехала к подруге. Видно, не суждено пока насладиться субботним вечером, попробовать папин шашлык и поиграть в индейцев. Кстати, надо мальчишкам купить правильную индейскую экипировку, сейчас это не проблема. Лера с улыбкой вспомнила своих дорогих родственников с куриными перышками в волосах.

Томка была в ужасном состоянии: бледная, волосы рассыпаны по плечам, зеленые глаза, не мигая, глядят в одну точку, – ну, вылитая русалка. Она сидела на краешке стула, слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Перед ней на столе стояла бутылка коньяка и пустой стакан.

– Том, ну, ты чего? – Лера присела перед подругой на колени и заглянула в глаза. – Ты же не пила никогда?

– Говорят, расслабляет, – неуверенно пожала плечами Тамара.

– Лучше спорт.

– Ты предлагаешь мне сейчас заняться спортом?

– Ну, может, просто пойдем на улицу? Пройдемся, подышим воздухом, и ты расскажешь мне, что тебя так взволновало.

– Да я сама не пойму, Лерочка! Ты права, что эта женщина мне абсолютно посторонний человек. Я даже голоса ее не слышала, зато слышала, как завыл ее муж. Он действительно завыл, прямо, как волк. Это было так жутко. А я ушла, бросила его там одного, даже не попрощалась.

– Ну, в такой ситуации официоз не обязателен. Ну, давай, встряхнись, Тома. Пойдем лучше погуляем. А, может, махнем к моим? Папа свой фирменный шашлык делает.

Томка робко улыбнулась, а потом замахала головой:

– Не могу, Лер. Представляешь, я, когда увидела ее, такую трогательную, светлую, с улыбкой на лице... я никогда не видела, чтобы так улыбались, Лер, а потом, когда я руки свои ей под голову положила, в меня словно что-то перетекло. И это что-то такое нехорошее, липкое, темное.

– Тома, я даже не предполагала, что ты у меня такая впечатлительная. Может, и правда, тебе надо выпить? – Лера с сомнением взглянула на бутылку.

– В том то и дело, что меня мало что может вывести из равновесия. Иначе я бы не смогла работать там, где я работаю.

– Пойдем, Томик, на улицу и пусть ветер сдует с тебя все паутины.

– Да, хорошо, пойдем, только давай сначала кофе выпьем? На кофейной гуще хорошо гадать, когда клиент находится в волнении. Кстати, твои волнения улеглись?

– Нет пока, только я их уже не так остро ощущаю. Но кофе выпью с удовольствием.

Выпив кофе и перевернув маленькие чашки так, как было положено, подруги некоторое время молча, вглядывались в кофейные узоры.

– Смотри, Лер, вот эта сторона и у меня и у тебя светлая и

ровная. Это наша жизнь, которая была еще вчера. Тут даже цветы угадываются. А вот что готовит нам день грядущий.

– Чернота одна, – прошептала Лера. – Может, кофе у тебя не того помола, а, Том? Вот и не получается нормального рисунка.

– Кофе нормальный, я только такой покупаю. Смотри, у тебя как был мужик с топором, так и стоит. Только топор еще больше стал.

– Ты думаешь больше?

– Больше, больше, я же помню. Но видишь, и у меня в чашке тоже мужик с топором, и какие – то вьюги вокруг, завихрения.

– На паутину похоже, – прошептала Лера. – Том, а разве такое бывает, чтобы в двух чашках повторялось одно, и тоже?

– Если честно, я первый раз такое вижу, – вздрогнула Тамара.

Девушки загрустили, так не хотелось впускать в свою жизнь горести и напасти, да еще странных мужиков с топорами. И откуда они возьмутся?

– Лерочка, давай пообещаем друг другу, не ввязываться ни в какие темные истории!

– Давай! Только как понять, темная эта история или светлая? Ведь, это только в конце пути можно выводы делать, где надо было стелить соломку.

– Ну, прислушиваться к себе чаще. Анализировать ситу-

ацию, поступки свои и других. Ведь мы же с тобой девушки разумные.

– Пойдем гулять, разумная девушка.

«Глупо, конечно, все, – думала Лера, – и гадание это и тревоги наши. Сейчас пройдемся по набережной, посмотрим на людей, сдуем Томкину паутину и успокоимся».

– Том, а вот если бы к тебе кто-то пришел с такими волнениями, ты бы что человеку посоветовала? – спросила Лера, когда они вышли на набережную.

Тома с семьей жила на набережной Робеспьера. Напротив их дома, на другом берегу Невы высились знаменитые Кресты и Томка жаловалась, что такое соседство негативно отражается на ее ауре и настроении, она даже шторы на окнах старалась держать все время закрытыми, но уезжать из любимого района не хотела.

– Ну, я бы заглянула в свой магический шар, это располагает клиентов, внушает уважение. Потом подержала бы человека за руки. Знаешь, мне иногда, в самом деле, приходят какие-то видения. Я вдруг понимаю, что вот с этим человеком может случиться что-то плохое, а этот только зря себя тревожит темными мыслями...

– Вот как мы себя сейчас, – Лера попыталась перевести в шутку их сегодняшнее гадание.

Но Томка подачу не приняла, а остановилась и с тревогой взглянула зелеными глазами на подругу. На своих высоченных каблуках она была почти одного роста с Лерой.

– Лера, это не шутки. Пожалуйста, будь осторожна. Если не хочешь, не рассказывай мне, но не делай ничего, что может тебе навредить. Лучше уйди в сторону, даже с потерями.

– Да мне нечего тебе рассказывать, – Лера почувствовала, как глубоко в душу проникает Томкин взгляд. – Все, как всегда. Тихая жизнь, рутинная работа. Реставрирую, грунтую, смываю.

Тома отвела взгляд и вздохнула:

– А знаешь как фамилия того клиента, у которого жена умерла? Паукян. Мне помощница смс сбросила, когда я одевалась. Вот и не верь ощущениям.

Вечером Лера два раза покрыла холст грунтовкой, подсушив немного его феном. Воскресное утро подарило тихую солнечную погоду, и Лера выставила холст на балкон.

– Не сушильная камера, конечно, но тоже сойдет. Как во времена Леонардо, – улыбнулась Лера. – Но чья, же все-таки это работа? Не думаю, что родственница нашего Павла первого была счастливой обладательницей Рембрандта. Да и не в его духе были такие пейзажи. Ах, как хочется скорее узнать, чья же эта картина!

Лера вспомнила, как в детстве, после похода в Эрмитаж, мечтала найти на старом чердаке подлинник Ван Гога под какой-нибудь лубочной картинкой и любоваться любимым художником дни и ночи.

– Или, может, не надо мне этого знать? Меньше знаешь

– легче спишь. Вот возьму завтра и откажусь. Томка же говорила, что лучше отойти от темных дел. А что-то мне подсказывает, в этом деле света мало. Только немного посмотрю на нее завтра, подержу в руках, пообщаюсь. Может, шеф уже будет знать, чья это работа.... Но зная, как родственница дорожила своими фантиками, это может быть кто угодно.

В понедельник Лера, как обычно, спустилась в свой подвал и приступила к текущим делам. Отгрунтованный холст она принесла с собой. Ближе к обеду в мастерскую спустился Павел Аркадьевич и сразу начал разговор с высоких нот:

– Озерова, тебе надо особое приглашение? Почему я должен бегать за тобой? Забыла, о чем мы с тобой договаривались?

«Вот как наш совместный труд начинается! Откажусь и буду жить легко и счастливо. И никакой мужик с топором за мной не будет бегать. А, кстати, откуда он может взяться?»

Вера Тимофеевна даже перестала работать, а с интересом откинулась на спинку стула и переводила взгляд с Павла первого на Леру, в ожидании разборок.

– Простите, Павел Аркадьевич, но я хочу отказаться от вашего предложения, – поднялась Лера со своего места.

– Пройдите в мой кабинет, Озерова! – сквозь зубы проговорил шеф, и, развернувшись, выскочил из подвала.

– Лер, это вы про что? – не сдержала любопытства Вера Тимофеевна и кудряшки на ее голове мелко затряслись.

– Уволиться хочу, а шеф не отпускает. Обещает повыше-

ние и отдельный кабинет.

У Тимофеевны открылся рот, а Лера уже ругала себя за нелепое вранье. Раньше за собой она такого не замечала. Собираясь с мыслями, она поднялась на третий этаж старинного особняка, где находился их антикварный салон.

Когда то давно, еще прадед нынешнего владельца салона, переехавший в холодный Петербург из солнечной Италии, приобрел этот небольшой особнячок. Здесь была его мастерская, здесь же он жил. Каким чудом это здание в центре Питера оставалось долгие годы собственностью одной семьи – было загадкой. Правда, новый владелец уже давно приобрел себе роскошную квартиру на Английской набережной, превышающей по площади весь антикварный салон. Жить на третьем этаже ему было тесно, хотя Лера не отказалась бы от такой милой квартирки.

Да раньше у людей были другие требования. Мама рассказывала, что она с родителями долгие годы счастливо жили в комнате в коммунальной квартире, и даже не мечтали о переезде. А прадед, да и дед шефа обитали в двух небольших комнатах с крошечной кухней. Из этих двух комнат Аркадий Михайлович – бывший хозяин, сделал кабинет, а кухню переоборудовал в личную зону. Ни при старом владельце, ни при новом Лера еще ни разу туда не заглядывала. Но сегодня Павел сразу провел ее туда и плотно закрыл дверь.

– Озерова, по какому случаю забастовка? Мы еще о цене не договорились? Ты работаешь в свое основное время, а за

сверхурочные я буду тебе доплачивать отдельно. Ну, скажем, пятьдесят процентов или даже шестьдесят.

Лера молчала. Она не знала, как объяснить, что дело совсем не в деньгах, и ни в отпуске, которого ждала весь год. Она просто не хочет связываться с темными делами, а то, что тут не все чисто и прозрачно поймет даже младенец. А еще чувствует непонятное волнение, и мужик с топором в кофейной чашке пугает...

Но, не поднимая глаз, Лера промолвила, что боится не справиться с таким заданием, и не успеть по жестким срокам.

– Ну, какая ерунда, Озерова! Ты, да не справишься с ерундовым пейзажем? Ладно, про пять дней я, конечно, погорячился. Но пара недель – это все, что я могу тебе дать. Хотя, может, Карловна и не хватится своего сокровища, – мечтательно глядя поверх Лериной головы, произнес шеф. – Но все равно, не будем расслабляться. Садись и работай. И отныне, каждое утро приходи в этот кабинет без особого приглашения.

– А как я сюда попаду с утра. Вы же приезжаете к обеду, – уже мысленно сдавалась Лера.

– Так и быть, дам тебе запасной ключ. Но об этом никому. Поняла, Озерова? Садись и жди, я сейчас.

Павел Аркадьевич вышел, погромел в своем кабинете сейфовой дверью, и вскоре торжественно внес пейзаж.

– Вот, приступай. – Объявил он так, словно вручил Лере

первую премию на международном конкурсе.

«Может, он ждет благодарности за доверие?» – задумалась Лера, но благодарить все – таки не стала.

Шеф вышел на цыпочках в своих мягких мокасинах из кожи питона, оставив после себя запах мускуса и легких пряностей.

«Хотелось бы мне, чтобы мой мужчина пах так же. Вот когда у меня появится мужчина, я обязательно подарю ему такой одеколон. Надо бы спросить у шефа, как он называется? Хотя, этот запах будет мне напоминать Павла первого, а с ним у меня точно ничего хорошего не связано».

Лера оглядела небольшое пространство: рабочий стол возле окна, удобный крутящийся стул, у стены небольшой диван с мягкими подушками и современный буфет, на котором стоял электрический чайник, и была вмонтирована маленькая раковина, а за стеклянными дверцами просматривалась посуда.

Через пять минут шеф внес мольберт и коробку с красками «Муссини».

– Ну, вот, Озерова, можешь приступать. Кажется, все у тебя есть. Если что понадобится, обращай только ко мне.

– Мне надо забрать свои вещи из подвала.

– М-да, – отчего-то загрустил Павел Аркадьевич, – иди, только никакой информации коллегам. Спросят, скажи... Нет, ничего не говори, поняла, Озерова? Ничего не говори!

Да, это будет легче, чем объясняться с Верой Тимофеев-

ной. И зачем я ей наврала утром? Но к Лериному облегчению, Тимофеевны на месте не оказалось, а двум другим коллегам было все равно, куда Лера уходит и зачем.

Сделав карандашный набросок, Лера стала подбирать краски. Взгляд ее притягивала ротонда. Она была, каких – то неправильных размеров. Может, художник не слишком разбирался в пропорциях, или развалины были на самом деле такие огромные. Но что-то в них было не так. Да к тому же автор тщательно прорисовал все узоры тяжелых капителей, в то время как коровы были явно написаны с небрежностью.

«Ох, что – то тут нечисто. Отгадать бы только что? А, может, не следует ничего разгадывать. Не мое это дело. Мне поручили сделать копию, а для чего – меня волновать не должно. Но волнует и еще как!»

Мамин звонок вывел Леру из тревожных мыслей.

– Лерочка, когда ты к нам приедешь? Близнецы очень интересуются. Спасибо тебе, наши отношения явно наладились. Правда, ходим с папой в перьях и называем вещи странными именами, что в голову приходит, – хихикнула мама. – Но у нас с папой нет словарика с индейскими словами, поэтому пишем свой. В прямом смысле пишем, чтобы не забыть, а то у наших внуков такая память отличная! Ты как, доча?

– У меня все отлично, – бодрым голосом начала Лера. – Шеф поручил интересное задание. Вот корплю над ним днями, не поднимая головы.

– Лер, а если честно? – задала мама странный вопрос. Видимо бодрый тон ее не убедил или материнское сердце что-то почувствовало.

– Да все нормально, мама. Просто, задачку одну никак решить не могу, а очень хочется.

– Лерочка, иногда лучше вообще не решать задач. Так для здоровья полезнее.

«Ну, прямо как Томка!»

– Я тоже склоняюсь к этому, мамочка! Не волнуйся за меня.

– А я что-то волнуюсь! – вздохнула мама.

Всю неделю Лера с удовольствием трудилась над неизвестным шедевром. Ей нравилось ее уединение. Павел Аркадьевич приходил поздно, а иногда и вовсе не приходил на работу. Это называлось: «Работать с клиентом на выезде!» Но чаще шеф просто устраивал себе очередной выходной. И Лера оставалась совсем одна на третьем этаже. Она привыкла к тишине, что ее окружала и больше не обращала внимание на шорохи и скрип, которые пугали ее по началу. Картина занимала все ее мысли и время.

В этот день шум в соседнем помещении мешал и отвлекал Леру от работы. Павел первый с утра был раздражен, резко отвечал на телефонные звонки, постоянно выбегал из кабинета, громко хлопая дверью. Работать в такой обстановке было сложно.

А тут еще к шефу пришла Эллина и устроила самый настоящий концерт своим визгливым голосом. Павел же, наоборот, почти шептал, стараясь не привлечь внимания, но скоро и его терпение лопнуло.

– Где планшет, я тебя спрашиваю?... Ты какое имеешь отношение к Ромми?... Ты украл у меня ключи?

– Прекрати, Эллина! Ты ведешь себя как истеричка!

– Это ты меня так назвал? Да как ты посмел, ты... Ты хоть представляешь, какой ценностью я владею. Это мое имущество, слышишь, мое! Я наследница! И теперь мне понятно, почему ты так меня добивался. Тебе не я была нужна, а квартира Карловны с ее сокровищами. Моей, между прочим, родственницы.

– Успокойся, Эллина! Мне надоели твои вечные упреки в корысти. Между прочим, живешь ты на мои деньги и их абсолютно не считаешь. Ты в чем – то нуждаешься? Тебе для полного счастья не хватает звезды во лбу? Я потакаю всем твоим капризам, забочусь о тебе, а ты так, значит, думаешь обо мне. А, может, ты ждешь, когда умрет твоя тетушка, и тогда ты станешь наследницей? А я просто транзитный аэропорт? Отсиделась ни в чем себе не отказывая, а потом помажешь мне ручкой? Так вот нет! Я тебе развода не дам, так и знай!

– Только попробуй! Тогда я тебя убью, транзитный аэропорт! – спокойным голосом проговорила любимая супруга.

Дверь кабинета распахнулась, явив красного, запыхавше-

гося Павла первого. Он дышал так тяжело, словно пробежал стометровку. Голубая футболка на нем взмокла, и некрасивые темные пятна расплылись на животе и груди.

– Вы все слышали, Озерова?

– Я старалась не подслушивать, но вы разговаривали громко. Простите.

– Да за что вы извиняетесь? Это мне надо просить у вас прощение за такой радиоспектакль. Вот ведь как бывает, Лера!

Он подошел к буфету, включил чайник, достал две кофейных рюмки и наполнил их из красивой бутылки в виде эллипса.

– Выпейте со мной, Лера! Один я не люблю, – протянул он напиток.

Лера послушно взяла в руки пузатые бокалы, больше пораженная доверительным тоном шефа. Сейчас он так напомнил ей Аркадия Михайловича: тихий с глазами больного льва и поникшими плечами.

– Оказывается, я просто транзитный аэропорт. Прилетели, посидели пару часов, сделали пересадку и привет. К новым светлым далям. А я столько лет был ее рабом, исполнял любые прихоти и капризы. Эллинька захотела на дорогой курорт, – пожалуйста, шуба из горного соболя – пожалуйста, старинные бриллианты – на, душенька, дом у моря – да не вопрос! А тряпки, а пластические операции – носик подправить, губки, попку. И за все свое доброе отношение, я ока-

зался транзитным аэропортом.

Похоже, это сравнение понравилось самому Павлу primero, так как он несколько раз повторил его с удовольствием.

– Может, вы ошибаетесь? Чего не наговоришь в запале?

– А вы слышали, как она грозилась меня убить, Лера?

– Ну, это выражение стало уже фигуральным. Пустая угроза! Так часто говорят даже очень близким людям.

– Ну, не знаю, Лера! В какой семье вы живете, если вы своим близким можете сказать, что убьете их?

– Я не скажу, но ведь такое часто можно услышать. В кино, например!

– Но в том – то и дело, что это моя жизнь, а не кино! Честно, мне после такого даже жить расхотелось!

– Ну, что вы, Павел Аркадьевич, вы помиритесь! У вас же такие ссоры не часто? Придете вечером, а жена уже ждет вас за накрытым столом с вином. И побежит к вам навстречу, и будет просить прощение.

– Нет, лучше с шампанским. Мы с Эллиночкой больше шампанское любим. – Мечтательно произнес Павел Аркадьевич и улыбнулся. – Знаете, а вы правы. Это наша первая ссора. Правда, такое впечатление, что и последняя. Но я не теряю надежды на примирение. Вы идите домой, Озерова. Идите. И картину можете сегодня взять с собой.

Это предложение было подобно взрыву. Забрать картину с собой!? На выходные!? Да за это полагался штраф, увольнение и казнь. Ни один из сотрудников, даже рамочник, не мог

иметь такого и в мыслях. Но Лера не стала спорить и перечить. Оставаться дальше и слушать излияние Павла первого ей не хотелось. Пить с ним коньяк она не могла – у нее не было такого здоровья, а работать бы все равно шеф не дал, а доставал бы ее своими жалобами на жизнь. Плохо так говорить, но ей было совсем не жаль Павла первого и слушать и сочувствовать ему не хотелось. Не чувствовала она доброго отклика в своей душе на его стенания.

Лера быстро собралась, чтобы шеф не передумал отпустить ее с работы. Уложила картину в планшет, свою работу бережно завернула в ткань – хорошо, что она сегодня приехала на машине, а то ехать в троллейбусе с картинами и тяжелым планшетом на вытянутых руках было бы проблематично.

Уже спускаясь по лестнице, Лера столкнулась с Верой Тимофеевной. Коллега поджала губы и постаралась удалиться в молчании.

– Вера Тимофеевна, вы, почему не хотите со мной разговаривать?

– Да, уж, не знаю, могу ли себе позволить разговаривать с начальством, – ехидным тоном произнесла Вера Тимофеевна.

– С каким начальством? – опешила Лера.

– Ну, как там тебя повесили?

– Да, не повесили меня, Вера Тимофеевна, только на этаж пересадили, да и то, временно. Шеф попросил картину его

личную подправить.

– А что сразу сказать было нельзя? Зачем комедию ломала, ерунду несла?

– Прости, Тимофеевна, каюсь! Настроение было плохое. Я и, правда, увольняться собиралась. Не сердись на меня! Мир? – заглянула Лера в глаза коллеге.

– Мир, куда ж я денусь! А картина то хоть стоящая? Это она? – кивнула коллега на завернутое полотно.

– Это мой набросок. А картина шефа в сейфе. Ты же знаешь наши правила. – Поехали, подвезу до метро, – предложила Лера.

– Тогда бы уж приказал со своими раскладушками на работу приходить. – Продолжила разговор Тимофеевна, когда устроилась в небольшом салоне Лериного автомобиля.

– Почему? – удивилась Лера.

– Да сроки ставит нереальные. Вынь ему, да положи за пять дней шкатулку отреставрировать. А она не простая, с секретом и механизм сложный такой. А перламутр темной бирюзой отликает, да как подобран! Даже не знаю, откуда такой. Вот сколько, уж, в моих руках этих шкатулок перебрало, вееров, столиков кофейных, сколько перламутра перебрала, а такого не видела.

– Ой, видела я эту шкатулку! И мне цвет перламутра показался необычным. А красавица какая! А вам ее Павел Аркадьевич с фантиками дал?

– Какими фантиками? Не было в ней ничего, пустая была?

А когда ты успела ее увидеть?

– Да мы с Павлом первым вместе..., – произнесла Лера и осеклась, вспомнив, что шеф просил ее не рассказывать о квартире родственницы. (И так уже проболталась). – Вместе на работу пришли, он ее из портфеля при мне вытаскивал. Я еще поразилась цвету древесины и перламутра. – Выкрутилась Лера.

– Оттенок редкий, я же говорю! – задумалась Вера Тимофеевна. – Я сегодня по Интернету пыталась уточнить, но и там ничего не нашла. Вот хочу к одному приятелю заглянуть, может, он что подскажет. Он ювелиром работал на Бармалева, а сейчас в торговом центре мелким ремонтом занимается. Но для себя и друзей такие шедевры выдает! Представляешь, позвонил тут на днях, расспрашивал, как я живу, где работаю. Не скрою, приятно было. Он в молодости красавцем был! С ума всех девчонок сводил! Лер, а пойдем вместе? И ты с умным человеком познакомишься, и мне компания. А то одной как-то неловко. Жена у него умерла пять лет назад, еще подумает, свататься пришла.

– Ну, можно и посвататься. Какие ваши годы? Вы же тоже одна живете.

– Я с сыном. Вот женю его на хорошей девушке, тогда и о себе буду думать, – покраснела Тимофеевна.

– Вера Тимофеевна, да сыну вашему уже лет больше чем мне. Взрослый дяденька. Может сам о себе заботиться.

– Много ты понимаешь, Озерова! Вот будут свои дети, то-

гда посмотрю на тебя, как ты их опекать будешь.

– Да откуда им взяться, детям то?

– Вот, не хочешь за моего Женечку выходить.... Давно бы уж детишек растили. Подумай, Валерия!

Лера, вспомнив упомянутого Женечку, содрогнулась. В школе, когда на уроках литературы изучали «Недоросля», она этого Митрофанушку именно таким и представляла: толстым, розовощеким, кудрявым, с глупой улыбкой и пустотой в глазах. И было странно увидеть воплощенный образ литературного героя в виде сына своей сотрудницы. Лера тогда даже лишилась дара речи и все стояла и смотрела на детину, который, казалось, сошел со страниц романа Фонвизина.

– Ну и абы за кого я своего сыночка не отдам. Он у меня знаешь, какой..., – залилась соловьем Тимофеевна. – Умница, каких мало. Знаешь, в нем есть народная мудрость. А это ценнейшее качество. Уж, поверь мне, я знаю, о чем говорю!

– Народная мудрость – это как?

– А вот советует мне какое решение принять в той или иной ситуации. Да так у него это ловко выходит, так понятно, все по полочкам разложит. Каждый раз удивляюсь, откуда эта мудрость в такой светлой молодой головке? А потом он с компьютерами на ты. Чувствуешь сочетание? Во всех областях разбирается. А в детстве стихи писал. Мне посвящал, – зарделась счастливая мать. – А как он пельмени готовит!

– Сам пельмени делает?! – Удивилась Лера таланту.

– Ну, не делает, а жарит их на сковородке. Вот все варят, а он их обжаривает, да на медленном огне. Чувствую я, у него и кулинарный дар прячется.

– Да такого дара ему, может, и не надо! Ему бы похудеть немного, спортом заняться, – не выдержала Лера, льющихся дифирамбов.

– А я считаю – это главный козырь Женечки. – Немного надулась Вера Тимофеевна. – Вот выйдешь за красавца и что?

– Что? – эхом повторила Лера.

– То! «Красивый муж – чужой муж» – старые люди говорили. А Женечку с первого взгляда, может, и не разглядишь. Ему в душу заглянуть надо. Он душой прекрасен. А это намного больше накаченного тела. А о тебе, Озерова, я лучше думала.

– Простите, – пискнула Лера.

– Слушай, ну поехали со мной. Тут недалеко. Мы полчасика посидим. А ты меня потом до метро и подкинешь.

Лера задумалась. С одной стороны ей сегодня не хотелось торопиться домой, с другой – она не могла оставить картину в салоне автомобиля. Мало ли что?

– Вера Тимофеевна, я сегодня ноги промочила, боюсь, что заболеть могу. Вы же знаете мой организм? Может, заедем ко мне я переобуюсь? – Лера и сама удивилась, что так легко придумала эту маленькую ложь.

«Ой, что-то не нравлюсь я себе в последнее время. Не до-

ведет меня до добра мое вранье. Ведь любой ребенок знает, что маленькая ложь рождает большие неприятности. Значит, не то я что-то делаю, не то». – С горечью задумалась Лера.

– Ну, если быстро, можно и заехать, – перебила Лерины рассуждения Тимофеевна. – Все равно по пути.

«Так, теперь я должна что-то придумать, чтобы Тимофеевна не поднялась за мной в квартиру. Увидит, что работу на дом беру – скандал может поднять. А, уж, если Тимофеевна начнет добиваться правды и справедливости, то тут мало никому не покажется». – Совсем приуныла Лера.

Но судьба сжалилась над несчастной. Подъехав к Лериному дому, Тимофеевна радостно устремилась в магазин на первом этаже, купить что-нибудь к столу.

– Все-таки одинокий мужик, что у него может быть, – доверительно сообщила она Лере.

Лера выдохнула и помчалась на свой этаж, прихватив с собой картину в планшете и свой холст с наброском.

Дома она пометалась по комнатам в поисках укромного местечка. Не найдя ничего подходящего, сунула планшет в корзину с грязным бельем, прикрыв его полотенцами. Передела джинсы, сменив их на новые серые брючки, вытащила из коробки любимые красные туфли, обмотала шею красным шарфом и, полюбовавшись на себя – красавицу, устремилась вниз к коллеге.

«И чего это я так разоделась? – удивилась Лера. – Уж

на одноклассника Тимофеевны я точно никаких видов не имею».

– И чего ты так разоделась? – повторила слово в слово Вера Тимофеевна, с подозрением разглядывая молодую сотрудницу.

– Да вот, брюки новые выгулять хочу. А то куда мне ходить? На работу страшно, сами знаете, еще закапаю растворителями или краской. А купить хотелось. На них скидка была хорошая, и понравилось, как сидят.

«И почему я оправдываюсь?»

– Смотри, Озерова, я еще не решила: буду я брать Харитошу или нет, а ты уже перышки почистила.

– Вера Тимофеевна, давайте сделаем так – я вас сейчас подвезу к вашему Харитоше и поеду к подруге. Что-то мне расхотелось проводить вечер в вашей компании. Вы поболтаете по-стариковски, вспомните молодые годы, а я вам только мешать буду.

– Нашла стариков! Вот будет тебе пятьдесят, поймешь, что это самый настоящий расцвет жизни. Хотя, я когда мне двадцать было, думала, что сорокалетие – это уже глубокая старость, не имеющая никаких радостей и желаний. И понимаешь, что ошибалась только с возрастом. Правда, некоторые уже с рождения стариками становятся. Ворчат, бурчат, всех уму-разуму учат.

«Ага, это народная мудрость так проявляется», – хихикнула про себя Лера, но вслух произносить этого не стала.

Поднявшись на высокий пятый этаж старинного серого дома, Тимофеевна решительно нажала кнопку и бросила взволнованный взгляд на Леру. По ее раскрасневшемуся лицу и то, как она поджимала губы, Лера поняла, что женщина волнуется. Она нервно взбила ряд цветастых воланов на груди и разгладила на бедрах серую юбку.

– Выдыхайте, Тимофеевна, вы красавица!

– Правда? – с надеждой спросила коллега. – Я ведь была в него влюблена в училище, вот он точно красавцем был..., – но договорить она не успела.

Дверь распахнулась, и обе женщины ахнули. На пороге стоял шикарный представитель сильной половины человечества. Возможно, лучший из этой самой половины. Тонкая футболка облегла накаченный торс, со всеми его рельефами, а длинным ногам позавидовал бы танцовщик балета. Светлые, слегка волнистые волосы обрамляли красивое лицо, на котором выделялись большие карие глаза.

Парень улыбнулся, продемонстрировав такие белые зубы, что Лера невольно провела языком по своим, в надежде сделать их, хоть чуточку белее. Он был похож на сказочного принца. Во всяком случае, Лера именно такими и представляла принцев, когда читала в детстве сказки.

– Здравствуйте, девушки, проходите! – произнес он бархатным голосом. Голос произвел на Леру еще большее впечатление, чем внешность. Она уже готова была следовать за

ним, хоть на край света, хоть на дно моря, как крыска за Нильсом с его волшебной дудочкой. – Кажется, одна из вас носит прекрасное имя Вера?

– Да, да! Вера – это я. А это моя коллега по работе – Валерия. – С придыханием промолвила Тимофеевна.

– Очень приятно, – принц взял Лерины пальцы и слегка сжал их в своей ладони, пристально взглянув ей в глаза. – Харитон Кузьмич ждет вас.

От взгляда этих глаз, Леру бросило в жар: «Неужели у ювелира Харитоши этот красавец работает дворецким? Правильно сделала, что брюки надела». – Похвалила она себя. – Может, лицом я и не писаная красавица, но на фигуру пожаловаться не могу».

Лера осмотрела прихожую: потертые обои, старый шкаф с тусклым зеркалом посередине. Пыльный одинокий плафон уныло освещал длинный коридор, в торце которого находились широкие двойные стеклянные двери. Туда они и прошествовали во главе с длинноногим принцем.

– Харитон, я привел гостей! – провозгласил молодой человек.

«Точно, дворецкий! – с грустью констатировала Лера. – Хотя, какая разница, кем работает человек? У нас все профессии важны. А мне, уж, вообще не должно быть никакого дела до этого красавца. Я сюда случайно залетела. А, может, меня судьба привела?» – Что-то ёкнуло внутри, словно нашло отклик на девичьи мысли.

Харитон дернулся навстречу, скорчил странную гримасу, но со стула своего не поднялся. Так и остался сидеть за круглым столом, покрытым старенькой скатертью. Его большая седая голова, склоненная набок, слегка тряслась. Он провел рукой по белым кудрям, скрывая волнение. Но предательская слеза покатилась по сухой щеке, символизируя, то ли радость встречи, то ли старческую сентиментальность. Лера хотелось думать, что это встреча так повлияла на старика. Тимофеевна, похоже, тоже так подумала и засуетилась, заспешила в объятия старого друга. И только подойдя вплотную к нему, вздрогнула, поняла, что не так что-то с ее Харитошей.

Он тянул к ней левую руку, правая, упав со стола, безжизненно повисла. Рот его скривился, словно старик собирался заплакать, как маленький мальчик.

«Этого еще не хватает!» – испугалась Лера.

– Харитоша, миленький мой, да что с тобой стряслось? – Тимофеевна опустилась перед ним на колени и стала гладить его руки.

– Нет больше прежнего Харитоши. Вот половина от меня только и осталась. – Просипел старик.

– Ну, какая же половина? Что ты, родной мой! Ты еще красивее стал. Ах, как же все были в тебя влюблены. А ты знал это, знал. Тебе нравилось наше всеобщее обожание.

– Ну, ты, Верочка, мимо меня смотрела.

– Это тебе так казалось. Я боялась, что если встречусь с

тобой глазами, то так на месте и умру. Замуж вышла и сына родила, а жить так нормально и не смогла. Все о тебе думала.

Старик, смотрел на женщину выцветшими слезящимися глазами, тихо покачивая головой. А потом произошло настоящее чудо, от которого Лера чуть не грохнулась в обморок.

Харитон резко отодвинул от себя стул, и поднялся на ноги, достаточно уверенно на них опираясь, как заметила Лера. Лицо его утратило свою асимметрию, стало ровным, спокойным и почти красивым, как может быть красиво лицо мужчины, не лишавшего себя житейских радостей.

– Ох! – схватилась за горло Тимофеевна, и плюхнулась на стоящий рядом стул. Коробку с тортом она прижала к себе.

– Вера Тимофеевна, давайте домой пойдём! – заскулила Лера.

Ей совершенно не нравилось это представление. Первая часть марлизонского балета удалась и произвела нужный эффект. А что еще задумали эти шутники.

– Я напугал вас, дамы? – продолжал развлекаться Харитон Кузьмич.

Его дворецкий стал у дверей, загородив собой путь к отступлению.

– Костя, налей девочкам вина, пусть расслабятся, – обратился Харитон к помощнику. – Или, может, хотите чего покрепче?

– Да что ты за цирк тут устроил, Харитон? Скучно на старости лет стало, развлечения требуются? Я к тебе по делу

пришла, как к ювелиру, а ты тут представления даешь? Торт мы с тобой, Лера, и у себя дома съедим. Пошли, девочка, и я про свои дела вспомнила, – Тимофеевна решительно поднялась, пытаясь придать коробке первоначальный вид.

Константин внес в комнату поднос с двумя бокалами и протянул их женщинам.

– Ну, уж, нет! После всего, что ты тут устроил, я пить не буду в твоём доме.

Легкое удивление мелькнуло на лице Константина, он перевел взгляд на хозяина, – или кем там ему приходился Харитон – тот только дернул плечом.

«Точно, что-то подсыпали в вино!» – подумала Лера.

– Веруша, прости старика! – вдруг раскинул руки в стороны Харитон, намереваясь обнять бывшую сокурсницу. – Ну, каюсь, не давала мне покоя твоя гордыня. Все девчонки готовы были по одному моему движению головы бежать за мной, а ты даже не дала списать конспект по политэкономии.

– У меня его не было, – улыбнулась Тимофеевна. – Ты, Харитоша, глупости не городи – покоя ему не давала. Да ты меня и не замечал тогда. Понять не могу, зачем ты сейчас так шутить вздумал. Уж, сколько лет прошло...

– Ну, скучно живем, решил потряхнуть стариной, вспомнить годы молодые. Знаешь, когда встречаешь своего ровесника из прошлой, безоблачной жизни, всегда кажется, что прожитые годы растворяются и ты снова молодой, стройный, жизнерадостный, что вся жизнь еще впереди, а эта так, была

неудачной репетицией.

– Не знаю, мне так не кажется. Я часто встречаю наших однокурсников. Кого на выставках, кто в наш салон заглядывает для консультаций, кто по телевизору интервью дает – все люди степенные уважаемые. Радует, конечно, при встречах. Девчонки о тебе вспоминают, ты же никогда на наших встречах не появляешься. Но чтобы вот так разыгрывать..., до такого никто не додумался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.